

Наталья Нестерова

Двое,
не считая
призраков

Если поверить
в невозможное
и научиться мечтать,
начинаются чудеса,
которые и не снились
братьям Гримм!

Наталья Нестерова

Двое, не считая призраков

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Двое, не считая призраков / Н. Нестерова — «Издательство АСТ», 2005

ISBN 978-5-17-109299-3

Один из самых загадочных романов Натальи Нестеровой одновременно кажется трогательной сказкой и предельно честной историей о любви. Обыкновенной человеческой любви – такой, как ваша! – которая гораздо сильнее всех вместе взятых законов физики. И если поверить в невозможное и научиться мечтать, начинаются чудеса, которые и не снились братьям Гримм!.. Так что если однажды вечером с вами приветливо заговорит соседка, умершая год назад, не спешите сдаваться психиатрам, ведь главные чудеса еще впереди!.. Легкомысленный системный администратор вечерами беседует с умершими родителями, набирается ума-разума. Хозяин крупнейшей корпорации регулярно совещается с почившими «авторитетами», ведь по секрету с того свету – столько полезного можно узнать! Где деньги огромные спрятаны, например. Очень удобно – до тех пор, пока любовь не спутывает все карты. Как призракам, так и людям из плоти и крови...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109299-3

© Нестерова Н., 2005
© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Часть первая	5
ПРЕДЫСТОРИЯ	5
ГАЛЛЮЦИНАЦИИ	8
РАБОЧИЙ ДЕНЬ	14
АФЕРИСТКА	21
РОДИТЕЛИ	26
ЗАБЫТАЯ КНИГА	31
СЕМЕЙНЫЙ УЖИН	36
ЗВОНОК ВРАЧУ	40
СЛУЖБА ДОБРЫХ УСЛУГ	45
Часть вторая	51
ПРЕДЫСТОРИЯ	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наталья Нестерова

Двое, не считая призраков

Не стой над моею могилой в слезах.

Меня здесь нет, и я не прах.

Надпись на могильном камне

Часть первая

АНТОН СКРОБОВ

ПРЕДЫСТОРИЯ

Таня и Антон чистили зубы и полоскали рот. Час назад они уже совершили гигиенические процедуры – в плановом вечернем порядке. Теперь им пришлось делать это второй раз, в наказание за плохие слова и под строгим присмотром мамы, которой звук телевизора не помешал уловить, что в детской разгорелась подушечная война. Мама отложила вязанье и пришла к ним. Несколько секунд слушала обмен комплиментами: «дура – сам придурок, дебил – вонючка, гадина – червяк навозный»... Наблюдала за полетом постельных принадлежностей и игрушек, попадавших точно в цель, то есть в лицо сына и тут же в физиономию дочери, по причине близкого расстояния между кроватями. Мама встала на линию огня и противно-строгим голосом, когда строгий, ее голос всегда противный, крикнула:

– Прекратить! Это еще что такое!

Даже не разобравшись, кто зачинщик и виновный, сразу потащила деток в ванную сдирать с языков и зубов следы бранных слов.

Семилетняя Танька, дылда, на голову возвышается над раковиной. А пятилетний Антон подбородком елозит по мокрому холодному краю раковины. Танька незаметно пинает брата ногой и цедит, отвернувшись от мамы, белыми пенистыми губами:

– Кретин!

У Антона изо рта вырывается фонтан зубной пасты, обильно разбавленный слюной, и он вопит:

– Скотина гадская!

– Так, – сердится мама, – значит, не хотите успокоиться? Хотите, чтобы плохие слова навечно у вас во рту остались? Тогда будем их глотать. Рыбьим жиром запивать. Каждому по ложке!

– Она первая! – Голос у Антона дрожит от подступивших слез. – Танька первая обзывалась! Сволочь!

– Две ложки! – Мама неумолима.

Она поворачивается и успевает увидеть обидную рожу, которую Танька брату скорчила.

– А тебе, как старшей сестре, которая должна хороший пример показывать, – три ложки!

Антон шмыгает носом, втягивая не успевшие пролиться слезы. Теперь плакать нечего – справедливость восторжествовала, Таньке хуже досталось.

Рыбий жир – самая отвратительная вещь на свете. Проглотишь его – и уже ничего не хочется, даже Таньки-ной смерти. Антон часто думал: почему рыбий жир не используют как смертельное оружие? Им, например, армии противника можно поливать или секретные тайны у шпионов выпытывать. Однажды Антон с сестрой поделился, у них тогда мирный период был, кивнул на экран телевизора, где носились бойцы и стреляли.

– Я бы на плохих рыбьим жиром, из шланга. Вж-ж-ж... и готово.

– Тогда бы кино быстро кончилось, – разумно заметила Танька.

Она права. Рыбий жир в больших количествах способен убить жизнь на планете Земля в считанные мгновения.

Вот и сейчас, после тошнотворного наказания, ни у Антона, ни у Таньки нет настроения ругаться. С помощью мамы привели кровати в порядок, накрылись одеялами. Мама присела у Танькиного стола. Танька в школу ходит, ей стол полагается – предмет острой зависти и регулярных налетов Антона.

– Итак? – спрашивает мама. – Какова причина боевых действий?

– Как она, так мечтает, – бурчит Антон, – а как я, так – нет.

– Что делает? – не понимает мама.

– Мечтаю-у-у! – гордо и вызывающе нараспев тянет сестра.

– Потому что ду... – Антону хочется сказать «дура», но рыба отрывка напоминает о каре за плохие слова, – ду... думать, – выкручивается он, – не умеет. Думать – это когда кто-то внутри твоей головы твоим голосом говорит, – поясняет он.

– Ой, удивил! – ехидно кривится Танька. – Думать и мечтать совершенно по-разному надо.

– О чем же ты мечтаешь? – спрашивает мама дочь.

– Как будто я принцесса или королева, – хвастается Танька. – У меня платьев много, и карета, и замок, озеро с лебедями и балы, балы!..

– Было бы странно, – мама ласково улыбается Антону, – если бы ты, сынок, тоже мечтал стать принцессой.

– А он танкистом не мечтает, водолазом не мечтает, даже космонавтом – никем! – доносит Танька. – Скажи!

Антон обреченно кивает и смотрит с надеждой на маму.

– Просто ты еще маленький, – успокаивает она.

– Я в его возрасте, – не унимается сестра, – мечтала участвовать в детском эстрадном конкурсе, как я на сцене пою с микрофоном, а все аплодируют, аплодируют...

– Гадина! – шепчет Антон, уткнувшись лицом в подушку.

Мама решила, что он плачет, под села, гладит по спине:

– Не расстраивайся, мой хороший! Ты обязательно научишься мечтать. Подрастешь и будешь мечтать.

– А если не научусь? – допытывается Антон.

– Тогда в твоей жизни случится что-то совершенно необыкновенное и волшебное.

* * *

Мечтать Антон так и не научился. Сестра, в добром расположении духа, его жалела и пыталась обучить нехитрой науке.

– Допустим, летчик, – шептала она с соседней кровати. – Ты летчиком хочешь? Закрой глаза и представляй. Вот ты в костюме, весь кожаный, тебе дают шлем, ты идешь по аэродрому, ветер треплет твои волосы и приятно холодит мускулистую спину...

– Я же в шлеме и в коже?

– Не перебивай! Воображай дальше. Вот ты подходишь к винтокрылой машине, все вокруг отдают тебе честь, ты забираешься в кабину, крутишь баранку и взлетаешь в небо...

В самолете нет баранки, хочется сказать Антону, но молчит, изо всех сил жмурится... Нет, ничего не видит!

– Получилось? – Танька приподнимается на локте. Антон качает головой.

– Урод! – Сестра падает на подушку. – Ну хоть что-то у тебя стоит перед глазами?

– Все темно и серо, как выключенный телевизор. – Антон делает вид, будто не услышал «урода». – Давай еще раз попробуем?

– Ладно, – великодушно соглашается Таня. – Теперь ты ниндзя, неуязвимый японский супермен, весь в черном...

Безуспешные попытки разбудить у него воображение они бросили, когда Антону исполнилось тринадцать лет, Татьяне соответственно пятнадцать. Антон прекрасно существовал и без воображения, а Танька теперь решительно отказывалась делиться своими мечтами. Пророческое предсказание мамы о волшебных событиях тоже стерлось в памяти.

Но они все-таки случились.

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Антон старательно обходил лужи. Почему во всем мире асфальт защищает от грязи, а у нас распределяет ее по коварным ловушкам? Новые туфли, двести долларов пара, промажешь – плакали денежки. Ботинки намокнут, а высохнув, скорчатся, как горбушки бородинского хлеба. Хлеб он, кстати, забыл купить. Есть ли в доме еда? Кажется, в морозильнике сардельки завалялись и брикет фарша полгода каменеет. Еще столько же пролежит, размораживать его и лепить котлеты недосуг.

Освещение между домами только то, что льется из окон. Частоколы и зигзаги пятиэтажек, детские площадки, шеренги гаражей-ракушек – здесь ориентируются лишь аборигены. Пришлые могут часами кружить в поисках нужного дома. Лена, последняя пассия Антона, две недели назад, воскресным утром вышла сигареты купить. И не вернулась. Он телефон отключил, чтобы не названивала и маршрут не выспрашивала. А без лоцмана и точного адреса найти его дом в силах только чемпион по ориентированию на урбанистической местности. Лена – не чемпион. Милая девушка, приятная во многих отношениях. Но уж больно серьезная и правильная. Пальчики и кончик носика холодные, губки строгой складочкой, любовью занимается сосредоточенно, будто диссертацию набело перепечатывает. В трусах и с голым пузом при ней не пошастаешь. Антону же хотелось воскресного расслабона – в семейных трусах на диване с газеткой, с глупым боевиком по телику и без умных речей о разнице аудиального и кинестетического типов восприятия вербальной информации. Словом, Леночка ушла и сгинула. Отыскивать ее, каяться, извиняться Антон не торопился.

Он долавировал до своего подъезда. Как обычно, рядом прогуливалась Ирина Сергеевна, соседка с первого этажа. Антон поздоровался.

– Поздно работаешь, – отозвалась соседка. – Деньги, наверно, гребешь?

– Лопатой, – подтвердил Антон.

– У порога яма, – предупредила соседка, – сантехники сегодня выкопали, а зароет Пушкин. Не провались!

– Спасибо! – поблагодарил Антон.

Пиликнул кодовый замок, железно звякнула за спиной Антона дверь, и он резко затормозил у почтовых ящиков.

Ирина Сергеевна полгода назад преставилась. Умерла то есть, деньги на похороны собирали. Перепутал! Хорошо, по имени не обратился! И голос как у нее! Впрочем, все старухи друг на друга похожи, как вялые помидоры.

Антон жил в родительской двухкомнатной квартире. Танька на втором курсе института выскочила замуж. После смерти отца мама к ней переехала, помогала внуков воспитывать. Антону исполнилось тридцать, когда мама погибла под колесами автомобиля пьяного подонка. Сейчас Антону тридцать пять. Пятилетка без маминых инспекторско-санитарных набегов, хозяйство немудреное и откровенно запущенное.

Но сейчас, едва открыв дверь, он унюхал запах, который бывал после маминых визитов. Хлорно-лимонный дух моющего средства, аппетитный аромат борща и запах... запах отсутствия многослойной пыли.

Антон вошел в квартиру. Так и есть, чистота, порядок, постель убрана, подушки на диване в шеренгу, на плите кастрюли с едой, в ванной на веревках белье сушится. Ай да Танька! Что это на нее нашло?

Нажал кнопку автоответчика на телефоне.

Леночка лениво-деловым тоном:

– Кажется, ты мне звонил? Прости, не могла ответить. Сделай еще одну попытку. Целую!

Хитрость белыми нитками шита. Женская гордость не позволяет завопить: «Ты меня бросил?», окольными путями кружит, добирается к его телу.

От Таньки сообщений не было. Антон набрал номер сестры.

– Милая! – с искренним чувством благодарности, замешенным на удивлении, проговорил он. – Ты настоящий друг, товарищ и брат! То есть брат – это я, и я люблю тебя всеми клетками своего истерзанного сердца.

– Денег надо? – осадила сестра. – Сколько?

– Не надо денег! Я хочу выплеснуть на тебя цистерну любви, плюс ушат признательности. Танька! Спасибо!

– За что?

– За уборку, готовку и скромный сестринский подвиг. Танька, а как часто ты его можешь повторять?

– Пьешь? – ответила сестра вопросом на вопрос. – В алкоголика превращаешься? Не женился вовремя, теперь сопьешься.

– Трезв как младенец. Ты же у меня сегодня была? Порядок навела, квартиру вылизала, борщ и, – Антон поднял крышку над сковородкой, – и, пожалуйста, котлеты...

– Проспись! У меня дети гриппуют, третий день из дома не выхожу, хотя на работе завал.

– Хочешь сказать, ты ко мне не приезжала и... и ничего тут не делала?

– Докатился! Альфонс! Бабы с тобой стираными портками расплачиваются, а ты даже не догадываешься, кто именно!

Танька бросила трубку. Антон опасливо огляделся. Он, конечно, не альфонс, а также не монах и не эксплуататор женского труда. К попыткам обустроить его быт относится как к мягко накинута на шею петле. Еще не дернули, не повесили на перекладине под названием ЗАГС, но петельку затягивают, стульчик из-под ног выпихивают.

Кто же здесь похозяйничал? Ключа ни у кого, кроме сестры, нет. Да и представить, что какая-нибудь из знакомых девушек пустилась в авантюру – сняла слепки с ключей, явилась сюда со швабрами и моющими средствами, невозможно. Нет среди его подружек такой тимуровской отличницы. А следы ее подвига есть! Вот под бутылкой с подсолнечным маслом еще утром жирное пятно толщиной в палец красовалось, а ныне отсутствует. И остальное...

Антон еще раз обошел квартиру, заглядывая во все углы. Ему стало нехорошо. На земле нет человека, который бы именно так подвязывал лентой занавески, расставлял фужеры в серванте, стирал полиэтиленовые пакеты и лепил их на кафель сушиться. Никто, кроме мамы... Танька пакеты давно не стирает...

Затрещал телефон, Антон ответил.

– Здорово, старик! Это Витек Федоров. Давно не виделись. Ты как?

– Нормально, – пролепетал Антон.

Витек поболтал о мелочах, вспомнил о книге, которую забыл вернуть. Сказал, что книга завалилась за другие на стеллаже, третья полка снизу. Пусть Антон к его маме наведется, она отдаст. Пожелал здравствовать и отключился.

Антон дико смотрел на телефонную трубку, потом отбросил ее, точно трубка раскалилась.

Витя Федоров утонул в речке, когда они закончили десятый класс. Сдал экзамены в институт, поступил и... На кладбище весь класс пришел, девчонки рыдали...

Почему он не осадил этого кретина? Не сказал: «Розыгрыш не удался!» Струхнул, а тут еще в квартире... Нет, не галлюцинации же это? Тогда что?

Антон бросился в комнату, дрожащими руками вытащил том энциклопедического словаря, мял листы, отыскивая статью «Галлюцинации».

«Обман чувств, ложное восприятие, возникающее без соответствующих внешних раздражителей. (Раздражителей навалом.) Обычно галлюцинации воспринимаются как реальные

явления (реальнее не бывает), но возможно и критическое отношение к ним. (Не надо мне борщей! И книг пропавших не надо!) Различают слуховые (Витек!), зрительные (куда ни глянь!) и др. галлюцинации (еще и другие?!). Наблюдаются главным образом при психических заболеваниях».

Галстук давил шею, не хватало воздуха. Антон дернул за ворот рубашки, отскочила верхняя пуговица, покатила в угол. Она ему тоже кажется? Или натурально катится?

Спокойно! Надо разобраться! «В чем разбираться? – визжал в голове панический ужас. – Шиза! Абсолютная шиза! Психическое заболевание», – идиотски прохихикал голос.

Два года назад, получая автомобильные права, Антон брал справку в психоневрологическом диспансере. Ему шлепнули печать «На учете не состоит». Теперь, значит, поставят?

– Не сдамся! – погрозил Антон пальцем книжному шкафу.

Бросился на кухню, стал со сковородки есть котлеты. Запихивал их в рот, хотя аппетит давно пропал. Котлеты были нормального котлетного вкуса. Как мама готовила, как он любил, с чесноком и перцем. Антон подавился, закашлялся от мысли: это и есть «др. галлюцинации»?

Распахнул дверцы навесного шкафа, чтобы достать чашку, выпить воды, и... попятился, спиной врезался в плиту. Волосы на голове вдруг словно ожили. Каждый превратился в червяка, задрожал, завибрировал и стал медленно подниматься перпендикулярно черепу.

Трубка! Пачка табака «Золотое руно» и курительная трубка. Антон узнал бы ее среди тысячи других – отцовскую трубку... Белесые следы зубов на кончике мундштука, маленький едва заметный сколок – это он, Антон, когда-то стянул трубку, раскуривал, отец его застукал. Антон, испугавшись, разинул рот, трубка упала, и кусочек отбился. Отец его крепко ругал тогда. Антону казалось, что папа более раздосадован порчей любимой трубки, чем фактом мальчишеской проказы.

Когда отец умер, видеть осиротевшую трубку, отполированную отцовскими пальцами, стало мучительно больно. Антон сам положил трубку в гроб, рядом с локтем то ли левой, то ли правой руки, каменно-твердых, по-покойнически сложенных на груди. Татьяна и мама, опухшие от слез, согласно закивали – пусть вместе с ним... Вместе с гробом трубка уплыла в печь крематория. А теперь нарисовалась в его кухонном шкафу, рядом с чашками, которые только мама (только она!) так расставляла – этажеркой: блюдце, перевернутая чашка, блюдце, чашка вверх дном...

Антон взвыл, схватился руками за голову, между пальцев противно шевелились волосы-черви. Сполз на пол. Господи! Как же не хотелось сходиться с ума! Почему он? За что?

Взглядом уткнулся в сложенную газету и мамины очки. Они лежали на стуле. С позиции «на полу безумно сидя» их было отлично видно. Антон закрыл глаза – одной галлюцинацией больше, одной меньше – значения не имеет. Накатило тупое равнодушие. Пропал ни за грош. В голове что-то – трес! – и получите шизофреника. Коту под хвост карьера, командировка в Италию... Теперь его карьера в психушке на больничной койке будет протекать. «Сестричка, дай утку, Антоша пи-пи хочет сделать...»

Нет! Ну за что? За что? Почему именно он? Звонить в «скорую» или повременить? Действовать или ждать, вдруг рассосется? Антон открыл глаза – декорации не изменились, галлюцинации не рассосались. Как действовать?

Скажем, проверить всю эту хрень на ком-нибудь постороннем. «Хрень» вызвала отрывку противного рыбьего жира. Антон не сквернословил по причине глубоко утвердившегося рефлекса – за плохие слова получишь рыбий жир. Давно канули в Лету времена, когда мама наказывала, а мерзкий привкус остался. И сейчас не пропал. Значит, прежние условные рефлексы действуют. Будем считать это положительным моментом.

На четвереньках он пробрался к телефонному аппарату, стянул трубку, разговаривал сидя под столом.

– Леночка! Зайка, куколка, лапонька! Куда же ты пропала? – Истеричный тон давался Антону без труда. И лукавить в отношениях с женщинами он давно научился. Еще один старый рефлекс благополучно процветал. – Не нахожу себе места! Я тоскую, рыдаю и скулю, как бездомный пес!

Вот это точно, подумал Антон.

– Две недели скулишь? – Лена мумия мумией, а сразу усекла, что он елозит на пузе. Покаяния возжелала.

– Да, милая! В свободное от работы время. А работаю двадцать шесть часов в сутки. Леночка, сколько в сутках часов? Еще немножко осталось? Ты приедешь сейчас ко мне?

– Право, не знаю, – ломалась Лена, – уже поздно, да и добираться далеко.

– На такси, милая, на такси, я оплачу.

Если бы она в эту минуту потребовала жениться, Антон безропотно бы дал клятву. Хотя умалишенных, кажется, не расписывают.

– Ты доезжай до кинотеатра. А там я встречу, таксист не разберется в наших закоулках.

– Да уж! Я вышла за сигаретами и битых три часа блуждала.

– А почему не позвонила? – обиженно воскликнул Антон. – Я ждал, терзался. Думал, ты меня бросила. Лен, ты меня не бросила? Лен, приезжай, ладно?

– Хорошо.

Больше всего Антону хотелось проделать путь до выхода из квартиры на четвереньках или по-пластунски. Но заставил себя подняться и бочком-бочком, по стеночке рванул к двери. Сдернул с вешалки пальто, выдрав с мясом петельку в виде цепочки. Оделся уже на площадке, затрусил по ступенькам вниз. У подъездной двери снизил скорость – отчаянно не хотелось сталкиваться с почившей в бозе Ириной Сергеевной. Чуть приоткрыл дверь – никого. Понесся пулей.

Он выкурил полпачки сигарет, маршируя у кинотеатра. Моросил дождь, углубления на асфальте сливались в одну большую лужу. Зонта у Антона не было, и что станет с до-рогущими ботинками – его тоже не волновало. Антон промок, зато дождь прибил шевелящиеся волосы, и они более не совершали попыток встать дыбом.

Вот и Лена. Антон запрыгнул в машину и стал возбужденно, с излишним энтузиазмом подсказывать водителю дорогу. У своего подъезда расплатился и как бы галантно, а на самом деле позорно труся, пропустил Лену вперед. Вдруг там оживает покойная соседка? Но они поднялись в квартиру без приключений.

– О! Какой порядок ты навел, – оценила Лена, когда он помог ей снять пальто и она прошествовала вперед.

– Правда? – возликовал Антон. – Ты видишь? Натурально видишь?

– Конечно. Персонально для меня?

– Да, да, да! – Он подскочил к ней и стал осыпать поцелуями. – Пойдем, пойдем дальше! На кухне Антон поднял крышку сковородки:

– Леночка, что здесь?

– Котлеты.

– Ангел! Ты ангел во плоти! Теперь еще один вопрос. – Он распахнул дверцу шкафа, сам оставаясь за ней, чтобы не видеть злополучной трубки. – Ну? Что там лежит?

– Трубка и табак. Ты стал курить трубку?

Антон снова подскочил к ней, захватил лицо ладонями и обильно усеял поцелуями – при известной доле фантазии это можно было принять за любовную страсть. Но когда Лена стала послушно отзываться, Антон ослабил натиск. Никакого желания предаться сексуальным утехам он не испытывал. Напротив, похолодел от мысли, что Лена, возможно, сама чикчи-рикнутая, и его заразила.

– Лен, у тебя в роду больные по умственной части были? – спросил он подозрительно.

– Нет, что за странный вопрос, – пожала она плечами.

– А шизофрения воздушно-капельным или половым путем не передается?

– Бред!

– Ты точно знаешь?

– К твоему сведению, я вирусолог. Ни микробов, ни вирусов психических заболеваний в природе не существует.

– Слава богу! – перевел Антон дух. – Тогда еще раз, чтобы точно удостовериться, играем в игру «найдите десять отличий». Леночка, какие отличия в моей квартире по сравнению с прежним визитом ты находишь?

Он таскал ее из комнаты в ванную, из ванной в туалет и в другую комнату. Лена методично перечисляла отличия – запущенного логова холостяка от квартиры, убранной заботливой рукой. Пробежка закончилась там, где началась, – на кухне.

– Мы видим одно и то же! – радостно подвел итог Антон.

– Естественно. Что вообще происходит? Ты какой-то сегодня странный.

– Я расскажу. Только тебе, по секрету. Ты умная, трезвая, как птица-секретарь. Это моя любимая с детства птичка, – спохватился Антон. – Садись! Осторожно, там мамыны очки. Котлет хочешь? А борща? Не хочешь? Идея! Давай выпьем. У меня есть водка. Тебе коктейль, с соком?

Антон достал из морозильника бутылку. Он был готов поклясться – количество спиртного заметно уменьшилось. Была чуть початая бутылка, теперь половина. Кто отпил?

– Ты с таким интересом уже минуту рассматриваешь бутылку, – подала голос Лена. – Что в ней особенного?

– Ничего, чепуха. Мне водки не жалко. Подумаешь, пусть пьют, если борщи варят.

– Не понимаю тебя. – Лена отхлебнула коктейля.

Антон опрокинул рюмку, шумно выдохнул и принялся рассказывать.

Он не мог говорить спокойно и взвешенно, пытался шутить, но юмор не давался. Метался по кухне и двадцать раз пересказывал случившееся за вечер, призывал Лену подтвердить, что доказательства потустороннего вмешательства она видит своими глазами.

Наконец он затих, рухнул на стул, пристально уставился на Лену:

– Что ты думаешь по этому поводу?

Она медленно достала из пачки очередную сигарету, прикурила и столбом пустила дым к потолку. Антон курил немного, от сегодняшней ударной дозы его мутило, и он внутренне испытывал брезгливость к курящим женщинам, от которых разило, как из пепельницы с бычками, залитыми духами. Он бы никогда не женился на курящей особе, не завел детей и не доверил заботу о своем драгоценном здоровье. Но в данный момент возьми Лена три сигареты в рот – он бы благословил и спичку поднес. Хотя раньше отмечал, что эта девушка, сделанная из гладкого непробиваемого гранита, имеет только одну трещину – наркотическое пристрастие к табаку.

– Итак? – поторопил Антон.

– Итак, – повторила Лена, – к тебе приходят покойники, звонят тебе, сталкиваются на улице?

– Да! Бред, но так получается.

– Ну и что?

– Как что? – оторопел Антон. – К тебе, скажем, не приходят, вообще ни к кому. А ко мне почему?

– Вопрос «почему?» может быть гносеологически запутан, и без дополнительной информации ответ невозможен. Пока мы способны анализировать факты.

– Анализируй, – кивнул Антон.

– Никакого вреда, ущерба твоему здоровью или психике покойники не нанесли. Более того, они существенно улучшают твою жизнь. Сделали уборку, приготовили еду, выстирали белье, книгу обещали вернуть и предупреждают о вырытых канавах. Прямая польза твоему существованию.

– Лен, ты серьезно? – Антон смотрел на нее во все глаза.

– Абсолютно! – Лена выпустила очередную порцию дыма.

Антон молчал несколько секунд, потом усмехнулся:

– Я пошутил, разыграл тебя.

– Не очень остроумно, сразу догадалась. Того, что не может быть, не бывает никогда!

– Умница. Матерьялистка. Пошли в койку диалектику метафизикой испытывать. Нет, пожалуй, я сперва борща с котлетами рубану.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Антон любил девушек по вечерам и плохо переносил утром. Как в пословице: любовь не дров поленица, за ночь вся сгорит.

Женщины рушили его холостяцкие привычки, особо стойкие по утрам. Сидели в туалете, когда ему самому нужно, долго плескались в ванной. Выражение лица у них было капризно-покровительственное. Точно Антон накануне занял миллион долларов и теперь должник до конца дней. Будет за ними с опухолью бегать и каждый каприз исполнять. Всенепременно! Сейчас только битым кирпичом рыцарские доспехи почищу и брошусь служить прекрасной даме!

Он, конечно, не хамил. Напротив, мило улыбался и шутил. За свои галантные манеры, вынужденно демонстрируемые, ненавидел партнершу все больше и больше. Разве она догадывается, что ему хочется в тишине и в одиночестве с газеткой посидеть да чай пить, а не вести глупую беседу? Что ее идиотскую заколку, которую он полчаса на карачках ищет под диваном, он с большим удовольствием отправил бы в помойное ведро? Что все женщины, поодиночке и вместе взятые, кажутся ему с утра тяжелой обузой человечества?

Девять тридцать. Вчера за ужином добил остатки водки. Похмелье не жестокое, но голова трансформатором гудит. Он никогда не приходит на работу к девяти. После десяти – нормально. Может вообще не появиться. Но тогда нужно предупредить, как и в случае, если решит прибыть к обеду. С какой стати ему сегодня отпрашиваться?

Туалет занят. Леночка! Из-под двери тянет табаком.

– Не куртуазно, – бурчит Антон.

Сидит баба на толчке и смолит сигарету. Не куртуазно. Постучать? Неудобно. Можно поторопить человека из ванной, но не из сортира.

Прошел на кухню, поставил чайник. Вчерашняя чертовщина и белиберда, помноженная на утреннее дурное настроение, уже не казалась особо страшной. В квартире все-таки Танька могла убраться. Не признается, ведет какую-то игру. Старушку спутал, по телефону разыграли. Трубка, очки мамы? Потом подумаю и наверняка найду разумное объяснение. Нет, ну дизентерия у Ленки, что ли? Прилипла к унитазу?

Дождавшись очереди в места сантехнических удобств, затем приняв душ и побрившись, Антон облачился в костюм, повязал галстук. Заявился на кухню при полном деловом параде, мол, тороплюсь на службу. А Леночка сидела в его сорочке, используемой как халатик. Тоже ход: петлю на шею еще не набросила, но уже лассо раскручивает. Курит, естественно.

– Малыш? – ласково поинтересовался Антон. – Не слишком ли много ты дымишь? И по утрам? Ведь вредно.

– Беспокоишься о моем здоровье?

Антон неопределенно повел рукой с бутербродом – считай как хочешь. Сегодня рыцарские доспехи ему решительно жали, давили на все участки тела и вызывали зуд.

– Тебе не нравятся курящие женщины? – допытывалась Лена.

– Главное, что мне нравишься ты, – улыбнулся Антон с набитым ртом. – Вот только имидж... Твой имидж, по-моему, страдает.

– И каким тебе видится мой имидж?

«Кроме вопросительных предложений, других не знаем? – внутренне раздражился Антон. – Например, есть хорошее повествовательное: дорогой, я убегаю, позвони, когда сможешь!»

– Ленуся, ты идеальная женщина. Само совершенство, физическое и интеллектуальное. Сигарета в твоих чудных длинных пальчиках (вечно холодных сосульках) смотрится элегантно.

Но когда ты смолишь одну за другой, это наводит на мысль об изъяне, глубоко спрятанном в недрах твой милой головки. Вроде психопатии или маниакальной истерии.

«Эх, вырвалось! Черт дернул за язык. Не мог потерпеть еще минут десять. Сейчас получу».

Лена достала новую сигарету. Прикурила ее и тут же стала торопливо тушить в пепельнице.

– Ты ведь совсем не знаешь меня, правда? – Она заглянула ему в глаза с напряженным ожиданием.

– У нас все впереди, – заверил Антон. – Малыш! Горю, как швед под Полтавой. Двинули?

– Хочешь, встречу тебя здесь после работы, приготовлю ужин?

Лассо кружилось непосредственно над его головой.

– Я бы с радостью, милая! Но не уверен, что сегодня придется ночевать дома. Запускаем новый контур, – Антон поднялся, – работы невпроворот. Я тебе обязательно позвоню.

– Нет, – она продолжала сидеть, – чувствую, что не позвонишь. Мы видимся в последний раз.

«Первое повествовательное предложение, но какое по смыслу! Выяснять отношения за завтраком – ни в какие ворота! Это для женатых страдальцев, не для меня».

Антон шумно выдохнул и выразительно посмотрел на часы. Разубеждать ее и притворствовать, объясняясь в любви, – верных полчаса. Но Лена вдруг резко поднялась, молча протиснулась мимо. Оделась с солдатской быстротой, подхватила сумочку – все без слов. Вышли на улицу. Антон, дабы не дразнить гусей, тоже не витийствовал.

Провел Лену до широкой магистрали.

– Тебе направо, к метро, а я на остановку троллейбуса. Пока, малыш! – чмокнул ее в щеку. – Ты славный человек!

Удаляясь от нее, спиной чувствовал – смотрит вслед, дырку на макушке прожигает. Расстояние увеличивалось, лазерный луч терял мощность. Войдя в троллейбус, Антон уже не помнил о Лене.

* * *

Антон закончил автодорожный институт по специальности инженер туннельного строительства. Туннели его мало интересовали, в МАДИ поступил потому, что имел хорошие математические способности, папу-доцента на одной из кафедр института и полное отсутствие представления, кем бы ему хотелось стать в жизни. Значит – в инженеры. Как и тысячи юношей, пошел по накатанной мужской стезе, нисколько не беспокоясь о том, где эта стезя пройдет. Туннели, тепловозы, газопроводы, станки, дома, электровеники – один черт что строить. После института несколько лет трудился в пыльном НИИ. «Рыл» на бумаге, вполсилы и почти без зарплаты, туннели в разных точках необъятной родины, отлично понимая, что гений инженерной мысли никогда и никому не понадобится и воплощен на просторах не будет. Просторы скукоживались, братские советские республики отпадали от России, как ступени ракеты от космического корабля. Ржавый корабль крутился на орбите, капитан (он же президент) был вечно пьян, экипаж голодал и с завистью посматривал в иллюминаторы на соседнюю американскую станцию.

В ниишный период Антон сделал два приобретения – богатый сексуальный опыт и профессию.

Его скоротечные романы с девушкам (а также с замужними женщинами, вдовушками и не пойми кем) носили устойчивый характер погони за количеством при нетребовательном отношении к качеству. «Девушку своей мечты» он не встретил, поскольку мечты не имел, только зверский аппетит на тела носителей подобной мечты.

Директор института путем несложной махинации – продал каким-то чучмекам проект туннеля – приобрел два компьютера. Один поставил у себя в кабинете – для декора и рассуждений о величии кибернетики. Второй достался лаборатории, где работал Антон. Прimitивная по нынешним временам ай-бизмка прочно приклеила к себе молодых конструкторов. Выстраивались в очередь, по ночам сидели, спорили до хрипоты и увлеченно осваивали новые компьютерные языки для написания программ. Антон, у которого не было ни молодой, ни беременной жены, ни детей, ни проблем с жильем, находился в преимущественном положении и быстро приобрел навыки хорошего программиста.

Компьютеры посыпались в Россию как горох из бочки. Специалистов не хватало, и Антон без труда находил хорошо оплачиваемую работу по новой специальности. Разорится одна фирмешка, его уже в другую приглашают.

Это было время, когда его сверстники – не все, конечно, отдельные – стремительно богатели, строили личные финансовые пирамиды, в отличие от народных, непотопляемые. Теперь они живут, замурававшись в дворцах, как чванливые пауки в банке, куда их заманила сахарная приманка. Например, глава корпорации, в которой трудится Антон. Между ними дистанция как от Луны до Марса.

Антон не выбился в миллионеры, потому что не имел к тому двух основных условий. Крепких номенклатурных или профессиональных связей и целеустремленности голодного волка. Антон мог просидеть сутки у монитора компьютера, осваивая новую игрушку, но потратить столько же времени на беготню, драку, интриги ему было лень.

В карьере за семь лет он добрался до предпоследней из верхних ступеней. Системный администратор в крупнейшей частной корпорации, отвечает за локальную сеть в головном офисе и курирует аналогичные в провинции. Выше него только замдиректора по всему компьютерному хозяйству. Понятно, что толстосумы хозяева относятся к ним как к обслуживающему персоналу – вслед за сантехниками и врачами. Пусть их! У нас своя гордость! Гордость человека, который помнит значение числа «пи» до тринадцатого знака, по сравнению с теми, кто вообще не знает, что такое «пи».

Они там, наверху, жилы рвут за каждый миллион, киллеры их отстреливают, партнеры продают, жены с охранниками спят. А у меня, внизу, тишь и благодать. Две тысячи долларов в месяц плюс премии и бонусы... Более чем достаточно. Купил импортный автомобиль, в отпуск езжу за границу, на теплоходе по Америкам катаюсь. Мог бы поднапрячься и сделать хороший ремонт в квартире. Только зачем? Все равно замусорится.

* * *

«Не нанять ли мне домработницу? – рассуждал Антон, показывая пропуск охраннику и шествуя в свой кабинет. – Не велики деньги, а комфорт очевиден. Если покойнички перестанут чистоту поддерживать, – мысленно усмехнулся он, – надо найти какую-нибудь тетку надежную. Старенькую или молоденькую? Старенькую! Молоденькая полезет ко мне под одеяло. И прощай котлеты с пирогами и чистыми полами!»

Он поздоровался с коллегами, проверил почту – ничего срочного, рутина. У них случались авралы, но редко. Чтобы бегать по кабинетам и чинить машины недоумкам пользователям, у Антона в распоряжении имелось два сотрудника. Сейчас они мирно резались в «стрелялку» на компьютерах.

Звякнул внутренний телефон. Серега Афанасьев:

– Не занят? Покурить не хочешь?

– Иду, – поднялся Антон.

* * *

С Афанасьевым они дружили. Серега работал в службе безопасности компании. Бывший спецназовец, демобилизованный после ранения в Чечне, на гражданке он растерялся. Наврал в резюме, что владеет навыками оперативно-разыскной и агентурной работы, его приняли в корпорацию охранять внутренние секреты. То есть следить, чтобы сотрудники не вынесли за пазухой или в головах страшные тайны. За пазухой – ладно! Но как влезть в их головы? Вербовать агентов в подразделениях. Эта часть обязанностей Сергеем решительно не удавалась. Он приобрел кличку Наш Главный Стукачок, но никого не мог соблазнить косноязычными призывами к корпоративному патриотизму и туманными намеками на карьерный рост.

Вызвал и Антона. Мямлил, ходил вокруг да около, вопросы про коллег дурацкие задавал. Антон ему прямо сказал, перейдя на «ты»:

– Слушай, не морочь мне голову! Я даже в закрытое КБ после института не пошел, хотя там зарплата в два раза больше была. От внешней, внутренней и межгалактической политики, с ее секретами и тайнами, держусь в стороне. Ясно?

– Во бя! – вдруг выругался Сергей. – Ладно, иди. Вылечу я отсюда, как клистир из задницы, – буркнул он сам себе.

Антон настроился на долгий разговор, шантаж, выкручивание рук. А все закончилось неожиданно быстро.

Невольно спросил:

– Семья есть?

– Жена, две дочери, теща-мымра и кошка, сволочь, недавно окотилась. Восемь штук котят! Тебе, случайно, котенка не надо?

Восемь слепых котят в обузе почему-то растрогали Антона. Перекинулись еще парой слов, и он предложил Сергею простой и гениальный план наблюдения за сотрудниками без агентурной работы и прочей грязи. Проследить за внутренней электронной почтой, которой обменивается народ. Содержание посланий значения не имеет, важно – кто кому регулярно шлет. Идея в том, что приятели объединяются в неформальные группы, постоянно поддерживающие контакт. Вычислить неформального лидера тоже труда не составляет.

Через месяц Сергей положил на стол начальству объемный доклад, со схемами, графиками и аналитическими выводами. Триста сотрудников головного офиса были распределены по группкам и группам, неформальные лидеры выделены жирным шрифтом. Места пересечения групп отмечены, как уязвимые точки противника на боевой карте. Докладная записка произвела большое впечатление, ставки Сереги взметнулись вверх. Кадровое управление и штатные психологи смотрели на него, как на академика от современного менеджмента. Приятельские отношения Сергея и Антона перешли в фазу крепкой мужской дружбы.

Сергей оказался отличным парнем, без подлянки и гнили. Лишь одно нельзя было добавить к прочим его достоинствам – надежность. Он боялся начальства! В принципе все люди испытывают естественный трепет, общаясь с вышестоящими. Чем вышестоящее персону, тем сильнее трепет. Бастующие шахтеры могут полгода сидеть на рельсах, колотить касками, посылать президента далеко и нецензурно, но стоит им оказаться лицом к лицу с этим самым президентом, как они немеют от подобострастного восторга. Нормально! По-человечески объяснимо: ученик и директор школы, молодой композитор и прима эстрадная, нареченная невеста и будущая свекровь. Все дело в дозах. Скручивает тебя от страха в спираль или ты находишь силы членораздельно говорить и связно мыслить. Серега не находил. Он боялся начальства патологически – до медвежьей болезни, до ступора, до деревянных коленей. И ничего не мог с собой поделать. «Старшим надо подчиняться» – усвоил он еще в колыбели или раньше, в утробе матери, на генном уровне.

Самое удивительное, Сергей Афанасьев был по-настоящему смелым и отважным человеком. Его бывшие сослуживцы рассказывали Антону, как Серега не гнулся под пулями, как исключительно благодаря его личному мужеству освободили в Грозном пятнадцать наших солдат. В подвале девятиэтажки чеченские боевики уже приготовили ребят к свежеванию. Серега поднял взвод – минометчики их поддержали, по крыше лупили – и рванул в пекло. В том бою его и ранило – до комиссования. Орден, конечно, тоже дали.

Да что там сослуживцы! Уже на памяти Антона этот донкихот трепетный ехал в автобусе, в окно увидел, как в темном парке плохие подростки девушку обижают. Автобус остановил, выскочил, побежал назад. Юной особе девственность сохранил, а сам заработал ножевое ранение. У него на теле столько шрамов и рубцов, что, когда на пляже раздевается, народ со своими ковриками и зонтиками в стороны отползает – подальше от бандита.

* * *

Они курили в давно выбранном Сергеем месте – в углу площадки запасной пожарной лестницы между седьмым и восьмым этажом. Антон как-то спросил друга:

– Это что? Единственное место, где нас не снимают и не подслушивают?

Спросил в шутку, увидел на лице Сереги борение – мол, ты меня не вынуждай служебные тайны выдавать – и поразился:

– Что, до такой степени дело поставлено?

Сергей ушел от ответа.

Антон после вчерашнего еще мутило, он не затягивался, пускал дым. Серега жадно курил:

– Ты видел, в юридическое управление новую шмару взяли? Ты видел ее задницу? Вот так, – он зажал сигарету в зубах, ладони развел в стороны, повернул их параллельно земле, – вот так обопрешься! Совершенно африканская задница!

Кроме начальства, у Сереги имелся еще один объект постоянного страха – жена Люся. Миниатюрное создание, коренастому Сереге по брови, длинному Антону до подмышек не доходила. Тоненькая, хрупкая, неулыбчивая, с постоянной заботой-печалью на лице – о детях, о муже, о родителях, о приبلудившихся кошках. Боялся ли Сергей эту печаль-заботу оскорбить, Антон не знал. Сергей не унился бы обсуждать мать своих детей, Антон не выпрашивал.

Насколько опытным Антон был практиком-бабником, настолько Серега – вдохновенным бабником-теоретиком. Он не мог впасть во грех даже в естественном для мужика грехотребуемом состоянии, то есть в подпитии. После контузии напрочь лишился отличительного признака бравого солдата – крепко вмазать и бабу отъегорить. Выпивал два стакана пива или рюмку водки – и забывался крепчайшим сном. Десяти минут между стаканами слабого алкогольного напитка, не говоря уже о рюмке крепкого, было слишком мало для подвига. Пришлось бросить пить.

А трезвый он боялся жены. Люся, служившая в свое время шифровальщицей при штабе дивизии, в отличие от мужа, оперативно-разыскные методы знала прекрасно.

– Хочешь познакомиться? – спросил Антон. – Помочь?

Спросил для проформы. Серегу с дамами знакомить – что кастрированного кобеля по течным сучкам сводить.

– Оно, конечно, да... то есть нет... ну, ты знаешь, Люся и вообще, – горько вздохнул Серега.

– Зачем звал-то?

– Вырисовывается картина маслом, – Сергей перешел на шепот, – полотно художника БГ. Мастер живописи ББГ всецело поддерживает...

БГ – Борис Громов, непосредственный начальник Сереги и замгенерального по безопасности. ББГ – их святейшество, глава и владелец Корпорации, Борис Борисович Горлохватов, известный в народе также как Удав.

– Что нарисовали?

– БГ в каком-то долбаном журнале «Итоги», «Власть» или «Хрен для наших» вычитал, что шестьдесят процентов менеджеров крупных компаний сорок процентов рабочего времени проводят за компьютерными играми. Представляешь?

Антон представлял. Цифры, с его точки зрения, были сильно занижены. Не шестьдесят процентов менеджеров, а все девяносто пять играют. Секретарши пасьянсы «Косынка» раскладывают, а продвинутые ребята рубятся в сетевые игры. Если ты человек с компьютером кровеносной системой соединенный, если не лох дебильный, то не играть не можешь. Есть, конечно, исключения. Вот Серега – исключение. Порядочный человек, а примитивную бродилку от стрелялки отличить не может. Но ребята, которым слегка за двадцать, и даже Серегины дочки девяти и тринадцати лет от роду – это уже наша генерация. Забери у нас игры – и мы непредсказуемы. Мы мир обвалим! Финансовую систему, НАСА, Всемирный банк, Парижский клуб, доллар, евро – нам как плюнуть. Навалимся на Интернет – и плакали ваши денежки, выборы в Думу, в Конгресс и в Большой монгольский хурал. Без нас нефтяные трубы перекроются, алмазы на полустанке аборигены на бусы разворуют, мегаполисы во тьму погрузятся, а в сортирах дерьмо во всемирном масштабе смываться не будет. А мы же игроки тихие. Геймеры – это без Достоевщины и литературных страстей. Нас не надо трогать! Самим хуже будет, когда наш интеллектуальный потенциал от игрушек к вашей долбаной политике перекинется.

– Ты чего? – насторожился Серега. – Ты чего нервничаешь?

Антон опомнился. Не иначе как странный вчерашний вечер подвиг его на революционные размышления. Впрочем, не ошибочные. Даже если брать в рамках данной процветающей компании. Но закуривать сигарету за сигаретой и яростно гасить их в банке от шпрот не следует.

– Антош, – теребил его Сергей, – вот мои девчонки играют! Но это же развивает?

– Как сказал один мудрый человек, игра в шахматы развивает ум для игры в шахматы. Следовательно, компьютерные игры развивают ум для игры в компьютерные игры.

– Правильно! – обрадовался Сергей. – Я и сам так в глубине души думал! Со стороны посмотреть на ребят: морда красная, глазами в экран, как в половую щель, уставились. Это же ненатурально?

– Серега, а какое у тебя было лицо, когда ты девятиэтажку штурмовал?

– Не врубаюсь. Откуда такое сравнение?

– Забудь. К слову пришлось. Какие наши действия?

– Так все просто: выявляем, кто играет, сколько времени и прочее. Надо счетчик включить. Я тебя заранее хотел предупредить, что вызовут, задачу поставят.

– Спасибо!

– Слушай, а еще в той статье было, что некоторые на порносайты заходят и балдеют. В рабочее время! Антош, ты мне слова спиши? Как туда влезть? Хоть не натурально, а виртуально, – Серега скабрёзно хохотнул, – оттянись.

– Легко, – пообещал Антон.

Без интриг и хитростей не прожить, как Антон ни старался. Он заглянул к парню, который отвечал за информационную безопасность компании. Коллега, они в равных званиях, два заместителя главного компьютерного начальника. Могут говорить на понятном им языке. Антон, нисколько не терзаясь тем, что друга Серегу закладывает, поведал о безумных планах БГ и ББГ.

– Дебилоиды! – заключил коллега.

– А то! – согласился Антон. – Слушай, а как у нас червем Сикватро?

Так назывался новый компьютерный вирус, который рушил корпоративные сети, как молоток орехи.

– Понял! Наступает. Я даже знаю, откуда он может влезть, чтобы адреса не увидеть.

И пояснил, что имеет в виду.

– Класс! – оценил смекалку коллеги Антон и не удержался от извинений: – Приходится работать с гениями мозолистого менеджерского труда, которые при операции более чем в три клика верещат, как гимназистки под биндюжником.

– Активируем?

– Всенепременно!

Так прошел рабочий день. Заработано n-долларов и состоялось два важных разговора.

АФЕРИСТКА

Антон прятался за деревом. Лет десять назад старые ясени возле их дома остригли бензопилой, спилив ветки толщиной в руку боксера. Уродливые стволы с культями смотрелись обездоленными лихом – как печи сгоревших от фашистского нашествия домов. Но в следующем году они дали буйные побеги и каждую весну стреляли ввысь на метр светло-зелеными ветками, а прошлогодние покрывались шоколадной овражистой корой. Сейчас следов экзекуции и вовсе не видать. Живучесть старых деревьев, их вызов, дружный ответ на человеческое издевательство вызывали у Антона уважение. Впрочем, сейчас он думал не об ясенях.

Так и есть! Прохаживается! Покойная Ирина Сергеевна. Нет, скажем правильно: женщина, похожая на Ирину Сергеевну. Ни с той ни с другой Антон встречаться не хотел. Он подождал, пока тетенька дошла до дальнего угла, и рванул в подъезд. Понимал, что поступает глупо, действуя, точно преступник, бегущий из тюрьмы, или – вариант красивее – мужественный десантник, обманывающий охранника и проникающий на секретную базу. Его дом – не тайный объект, и, если он каждый день будет подобным образом влетать в подъезд, психиатры скоро получат нового пациента.

Только сегодня, успокоил себя Антон и кому-то объяснил: «Сглупил, больше не буду, честное пионерское!»

Он вошел в квартиру, снял пальто с оторванной вешалкой. Пристраивал его на крючок, когда услышал звуки, совершенно невозможные в данном жилище. Курлыканье, мурлыканье, гуканье, счастливый смех – так сюсюкают с младенцем.

Забыл телевизор выключить? Вчера и не включал. Свет из приоткрытой двери гостиной. Утром люстра не горела.

Антон подкрался к гостиной. Обстановка в ней не менялась с родительских времен. Шеренга шкафов полированной ДСП – так называемая стенка – по одну сторону, диван, кресла и маленький столик – напротив. Старенький ковер на полу, в углу торшер, телевизор и небольшая этажерка-подставка для горшечных цветов. Цветы давно, по причине отсутствия полива, загнулись, горшки он отправил на помойку. Подставку Антон завалил газетами и журналами. Вчера чья-то заботливая рука уложила прессу аккуратными стопками.

Ни торшер, ни люстра не включены. Но комната светилась странным, золотистым, почти материальным светом. И лучился он от непрошенных гостей. На них Антон и уставился, забыв закрыть рот от удивления.

В центре комнаты на полу, ноги по-турецки, сидела девушка. Держала под мышки голого ребенка, который с веселым гиканьем прыгал между ее коленей. Необыкновенно красивая девушка, и в то же время совершенно обыкновенная. Лицо без косметики, бархатистая белорозовая кожа, маленький, точно стесняющийся вырасти носик задрался вверх, и две смешные дырочки смотрели вперед, как у Пятачка, высокие брови, под ними полусферы глаз с бутылочно-зеленым ореолом вокруг зрачков, форму губ определить трудно, потому что они находились в движении. Зато хорошо были видны фарфорово-белые, классической формы, закругленные по краю, зубки. Похоже, кроме мужской сорочки, точно такой, как на Антоне, другие предметы одежды на девушке отсутствовали.

– Ах, какой сильный! Ах, какой смелый! – восклицала и смеялась девушка в такт подпрыгиваниям карапуза.

Длинные русые волосы спадали на глаза, и она отбрасывала их движением головы, руки-то заняты ребенком.

Определять возраст младенцев Антон не умел. Этот находился в периоде, когда еще не ходят, но уже шустро ползают. Крепкий бутуз, кукольные ручки и ножки с перетяжками, слегка выкативший животик, мальчик. Светлый пушок на голове, пухлые щечки – малыш

точно сошел с коробки детского питания, на которых печатают фото исключительно здоровых и жизнерадостных детей.

Антон, незамеченный, несколько секунд наблюдал за ними. Причем глаза его вдруг обрели странную способность: он одновременно видел и общую картину, и крупный план. Рассмотрел носик-пяточек и аккуратные зубки девушки. И хрупкие, точно из мягкого коралла, ушные раковины ребенка увидел. Трогательные маленькие ушки. К младенцам с ушами и без оных Антон был равнодушен, и девушек без отклонения от стандартов тоже хватает.

Антон прокашлялся и подал голос:

– Привет!

Девушка повернулась к нему. Карапуз перестал прыгать, замер и тоже уставился на Антона.

– Привет! – радостно улыбнулась девушка. – С работы пришел?

Она ловким привычным движением посадила малыша себе на ноги.

– Я-то с работы. А вы, позвольте спросить, кто такие и что делаете в моей квартире?

Девушка снова улыбнулась, хитро подмигнула ребенку:

– Твой папа нас не узнает!

– Кто-кто? – оторопел Антон. – Папа?

Он лихорадочно перебирал в памяти женские лица. Этого лица в его базе данных не было.

– Представь себе! – колокольчато рассмеялась девушка. – Вот ваш наследник, сын вашего императорского величия!

Она подняла ребенка и протянула Антону. Карапуз весил немало. Было заметно, что держать его на вытянутых руках девушке тяжело. У нее лоб нахмурился, а плечи напряглись.

– Возьми его! Не бойся, он обыкновенный живой мальчик. Такой, я тебе доложу, проказник!

Антон инстинктивно сделал шаг навстречу, руки взметнулись вперед. Но тут же опомнился и дал задний ход.

– Что за бред! Не хотел бы вас разочаровывать, но пока ни брачными, ни внебрачными детьми не обладаю. К счастью! Повторяю свой вопрос. Как вы попали в квартиру?

– На метле прилетела! – нахально ответила девушка.

Она явно насмеялась над Антоном. Но при этом смотрела на него с неподдельным обожанием. Нет, одернул себя мысленно Антон: с мастерски поддельным обожанием. Актриса!

– Антон, не будь буквой! – потребовала девушка с уверенностью, будто обладает правом приказывать ему. – Илюша, веди себя хорошо, не балуйся! – велела она ребенку и снова обратилась к Антону: – Я назвала нашего сына в честь твоего отца Ильей.

– Премного благодарен! – усмехнулся Антон.

– Я знала, что тебе будет приятно.

– Сейчас лопну от радости! Откуда вы знаете мое имя... отца... Разведка поставлена... Стоп! Я все понял! Догадался, как вы бабки заколачиваете! Хотите расскажу? Вы – из бандитской группы, преступного сообщества, которое в начале своего славного бизнеса шло по вагонам метро и электричкам и плакалось, как вас ограбили на вокзале, а ребеночку надо операцию дорогую делать. «Подайте копеечку, граждане дорогие!» – издевательски спародировал Антон попрошаек. – К вашему сведению, я аферистов не подкармливаю. А тех мамаш, которые эксплуатируют младенцев, судил бы по всей строгости.

Малыш скривил губы, задрогал ножками – ему не нравилось висеть над полом. Девушка прижала его к себе, погладила по голове: «Тихо, тихо! Не надо плакать!»

Они похожи, отметил Антон, у которого снова включилась камера крупного плана. Разрез глаз – почти правильные полуovalы. Редкая и красивая форма. Пусть у нее будет хоть четыре глаза! Пусть она будет матерью-героиней! К нему, Антону, это не имеет решительно никакого отношения. Девушка так не считала.

Губы задрожали от обиды, уголки поползли вниз, словно перед плачем. Прерывистым голосом произнесла:

– Ты ерунду несешь! Но мне приятно слушать даже звук твоего голоса!

– Не надо! – погрозил пальцем Антон. – Не надо слез и представлений! Я вас раскусил! Тактика ваша понятна. Намечаете квартиру, где живет одинокий мужик, подбираете ключики. Узнаете факты биографии. Уборочка, борщи-котлетки, бельишко постиранное, а тут и девушка чудной красоты с готовым ребеночком, которого якобы я зачал, находясь в невменяемом состоянии в городе Конотоп в командировке. Правильно?

– Ребенка ты еще не зачал. И мы с тобой не виделись один год, пять месяцев и четыре дня.

– Девушка! – рассмеялся Антон. – Ваша легенда никуда не годится! Надо бы ее подправить с календарем в руках и заодно повторить арифметику.

Ребенок вырвался, встал на четвереньки и шустро двинул в сторону телевизора. Через несколько секунд карапуз врежется головой в этажерку, и на него полетят кипы журналов.

– Держите ребенка! – воскликнул Антон. – Куда он уползает?

Девушка встала, подошла к малышу, взяла его на руки. Когда она наклонилась (нисколько не смущаясь), предположение Антона подтвердилось: под сорочкой у нее ничего не надето. Девушка дьявольски хороша! Соблазнительна и предательски доступна! У Антона слегка закружилась голова. Он почувствовал себя рыбой, которая плывет на крючок, разевает пасть... Врете, не поймаете!

Девушка стояла на фоне окна, за которым творилось что-то непонятное. На улице сыпал нудный октябрьский дождь. Но, падая на стекло, капли светились неоновым лазурным светом, стекали, переливаясь цветами радуги. В давно не крашенных облупившихся рамах жила мозаика, играли краски, менявшиеся каждую секунду.

«Завтра в газете прочитаю, – подумал Антон, – что в Москве наблюдалось редкое для наших мест северное сияние».

Аферистка о чем-то спрашивала. Занятый борениями с невовремя вспыхнувшими желаниями, Антон услышал конец фразы:

– Я тебе нравлюсь?

– Это ничего не значит! – ответил он скорее себе, чем ей. – Свою судьбу с вашей связывать не собираюсь!

– И фигурка у меня отличная? – кокетливо поинтересовалась молодая мать.

– Отличная, – согласился Антон. – А уж актриса вы – каких поискать. Малый и прочие художественные театры отдыхают. Зачем вам криминальный бизнес? Идите на сцену. Любая прима, глядя на вас, от зависти съест свою шляпку.

Но девушка продолжала исполнять роль: поджала губы и обиженно заявила:

– Никогда бы не поверила, что ты можешь облить меня сарказмом, оттолкнуть. А я все равно тебя люблю!

Почему-то все девушки, включая талантливых аферисток, считают, что фраза «я тебя люблю» – вроде волшебного ключика, отпирающего мужское сердце. Глупое женское самонимение! Роковое заблуждение! Хотя... если рассмотреть конкретный вариант именно с этой самодеятельной актрисой... Ага! Потом усыновить ее отпрыска (симпатичный карапуз, надо признать...), потом заявятся еще двадцать пять родственников, в том числе настоящий муж и отец ребенка... На что люди только не идут ради московских площадей! Квартирный вопрос испортил нации и народности нашей прежде необъятной родины.

– Девушка, – устало проговорил Антон. – Еще раз повторяю: занавес упал, спектакль окончен, публика разошлась. Вас проводить до гардероба? Есть и второй вариант – звонок в милицию. Во всероссийском розыске пребываете? Еще нет? Перспектива очевидна.

Ребенок беспокоился, крутил головой, размахивал ручками. Мать его успокаивала, целовала в щечки и макушку. В ее обращении с младенцем было столько нежности, что сомнений

не оставалось – это ее чадо, не чужое, навязанное по преступному сценарию. Одновременно девушка бросала на Антона взгляды, которые он бы назвал трогательно-беспомощными призывами родного человека о помощи, не будь особа абсолютно для него чужой.

Дальнейшие ее слова слегка напугали Антона: у девушки имелись явные проблемы с психикой.

– Ответь мне только на один вопрос! – взмолилась она и понесла бред: – Если живые держат в плену своей памяти мертвых, то и покойники могут не отпускать живых?

Приехали, в досаде подумал Антон, только приступа шизофрении не хватало! Или это у них эпилепсией называется? Сейчас на пол рухнет, пена изо рта пойдет. Ребенка покалечит.

– Сохраняем спокойствие! – миролюбиво произнес он. – Что нас интересует? Плен? Порядочный человек никого в плен брать не будет.

– Ты порядочный? – переспросила девушка.

– Клянусь! И прошу очистить помещение.

Он остался доволен тем, что нашел быстрое и верное объяснение афере, которую над ним собралась учинить шайка, использующая в преступных целях умственно неполноценную молодую женщину. И в то же время испытывал странную досаду, точнее – жалость к полугололой симпатичной дурочке с ребенком. Малышу не сиделось у мамы на руках, он хныкал, вырывался, вдруг уставился на Антона, на секунду замер и протянул к нему ручки, недвусмысленно предлагая себя:

– На! На-на-на!

Антон снова невольно дернулся навстречу, но быстро опомнился благодаря мысли: «Мошенники детей, как собачек, натаскивают, чтобы к чужим дядям тянулись. Сволочи!»

– Ну, хватит! – рявкнул Антон. – Немедленно убирайтесь!

Ребенок испугался, скривился обиженно и заревел. Басовитый голосок у него, не перекричишь. Девушка трясла мальчика, пытаясь успокоить, что-то говорила Антону. Слов он не разбирал, но, если бы у попрошаек в метро было такое выражение глаз – любящее и несчастное, Антон бы полез в карман за деньгами.

– Ты хочешь, чтобы я жила без тебя... – услышал Антон. И с готовностью ответил, перебил:

– Долго и счастливо! Большому кораблю большое плавание. Но запомните, девушка, порты приписки у нас разные!

– Это ты очень верно сказал.

Он двумя руками указал на дверь: прошу! «Нам пора?» – прочитал Антон по движению ее губ отчаянно горький вопрос.

– Выход показать?

В этот момент ребенок затих, и грубое предложение Антона прозвучало особенно хамски, громко.

– Ты уже показал выход, спасибо! Принеси, пожалуйста, сыну воды.

– Ладно, – кивнул Антон. – Воды, и точка! Пора и честь знать!

Он развернулся и вышел из комнаты. Краем уха услышал, что девушка опять завела пластинку про свою неземную любовь к нему. Антон счел за лучшее не реагировать и не оборачиваться.

На кухне он схватил стакан, плеснул в него из водопроводного крана. Стоп! Детям нельзя сырую, и стакан грязный. Открыл шкаф, не дотрагиваясь до отцовской трубки, вытащил из пирамидки (только мама так расставляла!) чашку. Утром воду кипятили, из чайника сойдет.

Вернулся в гостиную. Пусто. Ни девушки, ни ребенка. И темнота. Антон щелкнул выключателем. Свет люстры по сравнению с тем, что было здесь минуту назад, походил на освещение мертвецкой, куда Антон перенесся сразу из бальной залы. В чем дамочка ушла? В прихожей

посторонней одежды не было, младенец вообще голый... Не пропадут. Подельники, наверное, дожидаются этажом выше.

С чашкой в руках Антон обошел квартиру. Никаких признаков постороннего присутствия. Входная дверь закрыта на внутреннюю щеколду. Как можно выйти из квартиры, оставив защелку закрытой? Ловкачи! Напоследок он еще раз заглянул в гостиную. По окнам и балконной двери лупил дождь, растекался по стеклам гнойного цвета жижей.

* * *

Телефонный звонок раздался, когда Антон строил баррикаду у входной двери на случай бандитского натиска сообщников молодой матери.

– Да? – ответил он, запыхавшись.

– Антошкин, привет! Витек Федоров. Чего дышишь как паровоз? Я грин скрибач с припеком нарушил? Прости!

«Грин скрибач с припеком» – этого выражения Антон не слышал лет двадцать. Пацанами они почему-то так называли половой акт – вожденный и недоступный.

– У моих был? – продолжал голос. – Как они? Расскажи.

– Послушай ты, козел! – Антон от ярости кипел. – Розыгрыш мимо кассы! Усек? Еще раз сюда позвонишь, я тебя из-под земли достану, на куски порежу и снова закопаю!

– Да, из-под земли, – эхом откликнулся голос. – Значит, ты ничего не понял?

– Отлично понял! – ревел Антон. – Ваши уловки для придурков! Котлеты, девушки, борщи и младенцы – в гробу! В гробу я их видел!

– Не все, – задумчиво протянули на том конце, – не все, что ты видел в гробу, надо воспринимать доверчиво! – и положили трубку.

Какая наглость! Антон задохнулся от возмущения и несколько секунд тупо слушал равнодушные гудки «занято».

Надо выпить! Водки нет, а также вина, коньяка и даже пива. Минутку! Есть медицинский спирт. Полгода назад он валялся с бронхитом, Танька приезжала, ставила компрессы. Остатки спирта в кладовке рядом с окаменевшими емкостями с олифой и красками – печальными свидетелями нахлынувшего и быстро улетучившегося порыва сделать ремонт в квартире.

Прежде чем выпить разбавленного спирта (без закуски! Сами жрите свои котлеты!), Антон проверил надежность баррикады и шпингалеты на окнах.

Пусть попробуют влезть! Вставить ему в задницу паяльник и отобрать единственную недвижимость – квартиру.

– Выкусите! – показывал Антон кукиш кухонному шкафчику. – Не на того напали! Я буду сопро-жаться!

Он хотел одновременно произнести «сопротивляться» и «сражаться». Получилось ловко! И дальше говорил сам с собой, сокращая предложения до нескольких многозначных слогов. Как добрался до постели, не помнил.

РОДИТЕЛИ

В качестве дезинфицирующего средства спирт – полезная вещь, в виде напитка – порядочная дрянь. Всю ночь Антону снились несчастные, обездоленные и брошенные им девушки с выводками детей. Точнее, девушка и ребенок были одни и те же, но вариаций, в которых они страдали и рыдали горькими слезами, – в изобилии.

Медицинский спирт обладал единственным положительным качеством – отсутствием после него похмелья.

Утром Антон разобрал баррикаду, стараясь не думать о том, что столько мебели наворотить в прихожей мог только патологический трус. В газете нашел объявление фирмы, устанавливающей железные двери. Замерщики приехали быстро, Антон выбрал самые дорогие и прочные замки. Слесари сказали, что его дверь стандартная, на складе заготовки имеются, и если Антон доплатит за скорость, то ее через час привезут, а через три установят. Он согласился. Пока рабочие ездили за дверью, он получил в автомастерской свою «Ауди» после ремонта, снял в банке деньги, купил продукты. В отделе спиртных напитков замешкался – каждый день поддавать не годится. А галлюцинации на него напускать и воровок подсовывать годится? Купил литровую бутылку водки.

После установки двери и отъезда монтажников подмел за ними мусор. Середина дня, ничего толком не делал, а чувствует разбитость. Из-за ночных кошмаров, наверное. Позвонил на работу – сегодня меня не будет – и завалился на диван в одежде подремать. Погружаясь в сон, думал о том, рискнут ли прохиндеи на вторую попытку. Смогут ли проникнуть через стальную дверь, и на какие новые уловки отважится симпатичная молодая мать. Почему-то хотелось снова ее увидеть и даже взяться за ее воспитание – увести с преступной дорожки на тропу чистой совести.

Дурные сны Антона не терзали, а радовали счастливые. Ему снились прочно забытые шорохи детства. Бывало, по утрам они проникают в твоё сознание, еще одурманенное сном, и ты уже чувствуешь гармонию мира, знаешь – тебя любят, оберегают, жизнь интересна и прекрасна.

Шарканье домашних тапочек по коридору, негромкое хлопанье дверей, звяканье посуды на кухне, приглушенный рокот радиоприемника, мурлыкающие отголоски беседы родных...

Антон сел на диване, улыбнулся. Славный сон! Наверное, в жизни каждого человека были такие звуки, ведь у всех было детство. И звуки эти невоспроизводимы, как неповторимо детство.

Он сладко потянулся, хрустнули позвонки, встал на ноги. Что за чертовщина? Он проснулся, а милые звуки... никуда не пропали, уже не такие они милые... В квартире кто-то есть!

Антон оглянулся по сторонам, подыскивая оружие для рукопашного боя. Тихо отодвинул ящик в серванте, вытащил нож. Столовый мельхиоровый, из парадного набора приборов, доставаемых по праздникам. Оружие, конечно, пустяковое, но за неимением другого... Во вторую руку взял вилку и на цыпочках двинул в сторону кухни.

Он застыл в проеме. Что там застыл! Прирос! Не к полу, а к земле! От мгновенно отяжелевших ног побежали корни, пронзая этажи и перекрытия, вонзились в почву и помчались далее, к ядру Земли. И Антон превратился в дерево – не в нарядное лиственное, а в корявый ствол с пеньками обрубленных веток, как изуродованные ясени. Дерево имело сердце и глаза. То и другое рвалось наружу: сердце выпрыгивало от щемящей тоски и любви, глаза выкатывались от ужаса.

Родители! Мама и папа – в натуральную величину и как бы совершенно живые! Отец сидит на угловом диванчике, читает газету, курит трубку. Мама, в кухонном переднике, стоит у плиты и что-то перемешивает в кастрюле.

Антон не знал, сколько времени он простоял в жутком оцепенении. Наверное, минуту. Но если бы ему сказали, что на сто лет впал в кошмарный летаргический сон, – поверил.

Его заметила мама. Повернулась к нему.

– Проснулся? Кушать хочешь? – кивнула на столовые приборы в его руках. – Хорошо, продукты купил. А то я уже не знала, из чего готовить.

– По горизонтали. Житель европейской страны, хранившей нейтралитет во Второй мировой войне. Четыре буквы. – Отец разгадывал кроссворд в газете.

– Швед, – выдавил Антон.

– Ш-в-е-д, – проговорил отец по буквам и заполнил карандашом квадратики. – Правильно.

Швед Антона спас. Если бы у него автоматически не включился нужный участок в мозгу, то голову определенно замкнуло, и она перегорела бы полностью и бесповоротно. Теперь же стал потихоньку оживать. Деревянные ноги подогнулись в коленях, Антон упал на стул. Мама подсела к отцу, смотрела на сына со щемящей жалостью. Такое выражение лица было у нее, когда водила в детстве к зубному врачу. «Надо потерпеть, хотела бы, но не могу взять на себя твою боль и страх. Надо потерпеть». Отец продолжил изображать сцену «все как бы обычно, я вот тут кроссвордом балуюсь».

– Один из крупнейших японских островов. Четыре буквы, последняя «ю». Ну? – вопросительно посмотрел он на сына поверх очков. – Кюсю! – стал вписывать.

– У тебя трубка погасла, – пробормотал Антон. – Это вы? Откуда?

– Да ее что кури, что просто во рту держи! – Отец явно уходил от ответа, и мама (или кто они?) тоже. Принялась незлобиво бранить отца:

– Только продукты переводишь. Вот позавчера спиртное пил... Антоша, это он твою водку ополовинил. Зачем, спрашивается, если вкуса не чувствуешь?

– Привычка – та же натура.

– Откуда вы? – перебил Антон. – Отвечайте немедленно, или я сойду с ума!

– Известно откуда. – Мама развела руками. – Сам понимаешь.

– Нет! – крикнул Антон и почувствовал легкое дуновение уверенности от своего зычного голоса. – Я ничего не понимаю! Мои родители умерли! У-мер-ли! – раздельно повторил он. – Печь крематория – это не холодильник криогенный для миллиардеров. Пепел! Пепел моих родителей покоится на Хованском кладбище. Западное Хованское, седьмой ряд третьей линии, – зачем-то уточнил он.

– А помнишь прекрасную легенду, как нашли могилу шотландского воина? – спросил отец. – На ней было написано: «Не стой над моею могилой в слезах. Меня здесь нет, и я не прах!»

– Кто вы? – простонал Антон, едва не плача.

– Сыночек! – На мамином лице, точно в зеркале, отражались его эмоции. – Это мы, твои родители. Разве не узнаешь?

– Водки! – изрек отец. – Света, налей ему водки!

– Лучше валерьянки, – подхватила мама.

Она накапала в рюмку лекарства, не протянула Антону, а поставила перед ним. Правильно сделала, потому что он смертельно боялся дотронуться до оживших родителей.

Антон залпом проглотил валерьянку. Лучше бы он был лошадьё, а снадобье – каплей никотина. Но он был человеком, и лекарство оказало то же действие, что и на большое животное, то есть никакого.

– Убедительно прошу! – зло насупился Антон. – Объяснить мне ваше появление и происхождение. В выражениях, понятных с точки зрения физики, биологии или любой прочей материалистической науки. Я не позволю издеваться над памятью моих родителей! Если надо мной в последнее время ставят опыты, облучают неизвестно чем, вызывают дикие галлюцинации, то я заявляю протест! Это нарушение прав человека! Я не подопытная мартышка и не собираюсь служить экспериментальным мясом для гребанных эсэсовцев от науки!

Господи! Как же он без них соскучился! Даже не представлял – насколько. Отец (виртуальный) правдиво нервничает. Возьмет погасшую трубку в рот, вынет, переложит из одной руки в другую, в воздухе махнет. Он любил читать морали, готовился к ним, мысленно составляя нравоучительную проповедь, и жестикулировал с трубкой в руке. На мамином лице, родном до остановки сердца, целая гамма чувств: от «рыбий жир за плохие слова» и до «маленький мой страдает».

Антон застонал, грохнулся лбом об стол и застыл. Некоторое время молчали. Потом мама тихо подала голос:

– Если бы мы могли, разве не рассказали?

– Нет, ну если сын не хочет, – так же тихо ответил отец, и Антон отлично представил, как он сейчас жестикулирует трубкой. – Не признает нас, не понимает, что избранный, то, Света, уберемся отсюда? Со Светой на том свете, – горько скаламбурил отец, и по его тону Антон понял, что эту фразу батя произносил много-много раз.

– Подождите! – Антон поднял голову и выпрямился. – Значит, я избранный? В чем? Во что? По какой линии?

– Тошенька! – быстро заговорила мама. – Никто эксперименты над тобой не ставит. И твое здоровье нам дороже собственного, то есть у нас сейчас нет здоровья, а... – Она тоже запуталась и посмотрела на мужа, словно просила о поддержке.

– Мы тебя хотели подготовить, – заговорил отец. – Квартиру драили, Ирина Сергеевна согласилась по-старому у подъезда прогуляться, а Витя Федоров сам настоял. У него ведь мама сейчас тяжело болеет, хотел с твоей помощью облегчить...

– Не отвлекайся, – напомнила Светлана Владимировна.

– Да. Так вот. Что дальше говорить? – Он вопросительно посмотрел на жену.

– Ты же готовился, хотел пример про теорию относительности, – напомнила она.

Отец кивнул и сделал новый заход:

– Когда тебе было семь лет, ты просил меня объяснить теорию относительности. Я рассказывал три вечера, ты тогда что-нибудь понял?

Антон вспомнил ту историю. Отец начал издавна, чертил схемы, писал простейшие уравнения. Антону быстро надоело, он ничего не понимал, хотел убежать во двор к друзьям и не вникать в нудные толкования, а отец несколько вечеров его мучил. Потом, много лет спустя, Антон услышал анекдот, точно описывающий ситуацию:

«Маленький сын спрашивает отца: „Папа, почему, когда яблоко кусаешь, оно темнеет?“ – „Видишь ли, мальчик, яблочный сок, находящийся в клетках этого плода, содержит много элемента под названием железо. Когда ты надкусываешь яблоко, железо в яблочном соке вступает в реакцию окисления с кислородом, который, в свою очередь, содержится в воздухе. В результате получается соединение, которое называется окись железа. Это соединение имеет характерный бурый цвет“. Мальчик помолчал некоторое время, а потом спросил: „Папа, а с кем ты сейчас разговаривал?“

– В теории относительности тогда, – признался Антон, – я не понял ни бельмеса, п... – У него едва не вырвалось «папа».

– Вот видишь! – обрадовался отец. – Значит, ты можешь признать, что существуют знания, которые твой ум, не обладающий соответствующим понятийным аппаратом, освоить не способен!

– А ужин остывает, – напомнила мама.

– Подожди! – хором сказали отец и сын.

– Хорошо, – кивнул Антон, – то есть нехорошо, но пока оставим. Вы сказали, что я избранный. Надеюсь, реалии этого, – он двумя указательными пальцами потыкал в пол, – этого мира мне доступны? В чем моя избранность?

– Ты же нас видишь, разговариваешь! – удивилась мама. – Можем тебе в хозяйстве помочь. Купи завтра фарш, пельменей налеплю. Только обязательно чтобы и свиной и говяжий.

– Куплю, – автоматически согласился Антон, ему очень не понравилось, что отец отвел взгляд. – Очень вас прошу! Умоляю, если хотите! Объясните мне, что происходит.

Отец вопросительно глянул на маму.

Они были удивительно гармоничной парой, подумал Антон. Только сейчас заметил или сформулировал: одно сознание на двоих. Не потому, что ущербное, а потому, что союз – настоящий, редкий и счастливый. Один поддерживает, подпитывает другого – руками, мыслями, самим существованием.

– Ты всегда был нормальный! – решительно заявила мама, словно до этого утверждалось, что ее сын дебил. – Читать научился в четыре года, математические способности – все учителя восхищались. Никаких отклонений!

– Но? – подтолкнул ее Антон.

– Но ты не умел мечтать, – выдавила мама как под пыткой. – Отсутствие воображения, мечтаний – это отклонение... это только с психически нездоровыми... Мы консультировались у специалистов... Они сказали... Холера их разбей! – выругалась мама и испуганно захлопнула рот ладошкой. – Ну в самом деле! – оправдывалась она. – Сказать молодой матери, что ее единственный сын без пяти минут умалишенный! А ты как раз олимпиаду республиканскую выиграл! Ничего, говорят, не меняет! – Чувствовалось, мама тревожила былые раны, так и не зажившие. – И все гении были с приветом. Но все, кто с приветом, не обязательно до гениев доживут.

– Сынок! – подхватил отец. – Не переживай, ты не гений, беспокоиться не надо. С другой стороны, я тебе скажу со знанием дела. Разговаривал я с Эйнштейном. Самовлюбленный тип! Вроде твоего дядюшки по материнской линии. Дядю Костю помнишь? Он всех видел, он все знает, выше него только...

– Илья, ты опять отвлекаешься! – напомнила Светлана Владимировна. – Мы говорили об Антоне.

– А что, собственно, об Антоне? Вот он, вот мы. Уникальная способность общаться с теми, кто покинул земной мир.

– Этой способностью, – желал уточнить Антон, – только я обладаю?

– Эгоизм – очень плохое качество, – попеняла мама.

Она была преподавателем в младших классах. Тридцать лет учила сопливых малышей водить ручкой, складывать в уме двузначные числа, заучивать великие пушкинские и тючевские строки про раннее весеннее и позднее осеннее утро. Но главной своей задачей считала воспитать достойных граждан и патриотов родной страны. Если без иронии, то делала большое дело, хотя и нелепое по современным меркам. Эгоизм с гражданственностью и патриотизмом никак не сочетался. И он был вторым пороком после сквернословия.

– Кроме меня, есть и другие? – допытывался Антон. – Поймите, мне важно знать, чтобы не чувствовать себя свихнувшимся изгоем!

Мама и отец посмотрели друг на друга. Первой кивнула мама, вторым отец, согласившись.

– Есть и другие, – подтвердил отец. – Но ты не должен... не следует их искать. Здесь не может быть колхоза, компанейщины, бизнеса, выгоды – ничего по вашим, то есть нашим, мер-

кам прибыльным и карьерным. Ты меня не понимаешь! Тогда поверь... – попросил с детской и одновременно стариковской искренностью.

Антон пожал плечами. Он желал, но с ходу разобраться в том, что услышал и что творилось в собственной голове, не получалось.

– Значит, вы – это точно вы? Мои родители?

– Да! – в унисон произнесли они.

– Только как бы не по-настоящему живые и прибыли с того света?

– Терминология груба и неточна, но за отсутствием иной можешь ею пользоваться, – позволил отец.

– Палата номер шесть, – пробормотал Антон.

– Ты всегда много читал, – похвалила мама, – а Чехов – мой любимый писатель.

– Как мы будем дальше существовать? – перебил Антон. – Жить втроем? Может, мне гостей созвать по случаю прибытия мамы и папы?

– Никто нас, кроме тебя, – вздохнула мама, – не увидит. Да и какой нормальный человек поверит? Лучше никому не рассказывай, а то за сумасшедшего примут. Вот девушке, Лене, рассказал, и как плохо все обернулось!

– Почему плохо?

– Потом узнаешь.

– Минуточку! – возмутился Антон. – Выходит, вы за мной следили? Шпионили? Подсматривали?

– В том, что нам небезразлична жизнь собственных детей, – отец тоже повысил голос, но потом взял себя в руки и заговорил спокойнее, – нет ничего предосудительного. Я тебе еще раз повторяю: земные понятия неприемлемы! Шпионили! На какое государство, скажи на милость?

– Ты не думай, – подхватила мама, – досаждать тебе не будем. Мы ведь понимаем, со стариками жить – не сахар.

«С живыми стариками, – мысленно уточнил Антон. – Каково существовать с покойниками, известного мне человеческого опыта не накоплено».

Ему показалось, что мысли его, как и вся предыдущая жизнь, прозрачны для родителей-возвращенцев. И сейчас они усиленно прячут обиду: сын не хочет принять, так скучали, а он – в штyki. Будто из другого города приехали, а не из загробного мира прилетели. Стало их жалко. В самом деле, ведь как настоящие, родные и любимые. Что ему, куска хлеба для них жалко или кровати лишней не найдется? Антон попробовал пошутить:

– Случайно, пенсии ваши тоже не нарисовались?

– Увы! – Отец развел руками.

– Я давно замечаю у тебя меркантильные качества! – учительским тоном проговорила мама и тут же поправилась: – Нет, нет! Не думай, воспитывать мы тебя не собираемся, ты уже большой мальчик.

– М-мама! – Слово далось ему почти без труда. Он решился: – Мама, дай мне свою руку. – Антон протянул ладонь.

– Зачем же?... Как же... мы ведь сейчас, – испугалась она и все-таки робко накрыла его руку.

Когда-то у Таньки была тряпичная кукла. Сестра мечтала в то время стать врачом-хирургом. Бритвой вскрыла кукле руки, ноги и живот, вытащила туго набитую желтую вату, на ее место засунула воздушный синтепон от старой куртки. Наложила «швы» – операция закончена. На ощупь кукла была как мамина рука теперь: ни температуры, ни живого биения плоти – мягкая равнодушная масса.

ЗАБЫТАЯ КНИГА

Жизнь Антона раскололась на две части – реальную и мистическую. Днем он общался с живыми людьми, вечером вел беседы с покойниками. Возвращаясь домой, останавливался поболтать с Ириной Сергеевной. Из доброты сердечной останавливался: тетке больше не с кем (из здравствующих) перекинуться парой слов. Если бы Антон точно не знал, что она преставилась, то сказал, что рассуждает Ирина Сергеевна живет всех живых. Клянет окрестных собачников, жэковских работников, собственного зятя-алкоголика и внука-хулигана – все как при жизни. Выговорившись, спохватывается:

– Иди, заболтала тебя. Но хоть душу отвела. У меня, кроме нее, ничего и не осталось.

Отец и мать первые дни пребывали в суетливом напряжении: не надоели мы тебе, не мешаем? Да и сам Антон нет-нет да и вздрагивал: форменная паранойя, с кем я общаюсь? Но потом привыкли. Мать с отцом – типичные пенсионеры, интеллигентные, ненавязчивые, гармоничному союзу которых не хватало только общей заботы об отпрыске. Они получили и заботу, и отпрыска.

Антон безумно интересовало все, что касалось того света и загробного мира. Есть ли там природа, здания, товарно-денежные отношения, мораль, любовь, языковые барьеры? Тысячи вопросов! Но ответы на них – табу. Причем и отец и мать имели слабинки, за которые журили друг друга. Отца подмывало рассказать о встречах с великими, а маме хотелось с помощью Антона вмешаться в земную жизнь во благо добрых людей.

– Ты, случайно, с Ферма не виделся? – спрашивал отца Антон, когда мама выходила из комнаты.

– Любитель! – заговорщицки шептал отец. – Гениальный, но любитель. Ни одного доказательства не оставил, только формулировки. Забавлялся, слава ему не нужна, а дразнить коллег – в удовольствие.

– А теорема? – подталкивал Антон. – Великая теорема?

Бедой отца (и при жизни тоже) была манера заходить издалека.

– Как ты знаешь, – начал он лекцию, – Ферма хотелось во что бы то ни стало понять свойства и отношения простых чисел. Как и Пифагору.

– О чем вы говорите? – Подозрительно нахмурившись, появляется мама, садится рядом с вязаньем. – О Пифагоре? Будь он хоть тысячу раз гением, но не самодуром упрямым! Втемяшил себе в голову, что Вселенной управляют числа – только целые числа. А иррациональные, которые ни целыми, ни дробью не являются, видите ли, были ему отвратительны.

Мама почти тридцать лет прожила с математиком. Невольно была в курсе многих проблем, но подходила к ним с бытовой меркой:

– Его, Пифагора, ученик Гиппас. Такой славный юноша, семья достойная, невесту сосватали. Ну, забавлялся мальчик на досуге с числом «корень из двух», пытался найти эквивалентную дробь. Так ее же нет – только иррациональное число. Возликовал Гиппас, к учителю побежал. А Пифагор что? Гордыня обуяла, не желал признать новый источник чисел. Гиппаса велел убить, утопили бедняжку.

– Вообще-то мы говорили о Ферма, – с тоской напомнил Антон, подозревая, что новую информацию вряд ли удастся выпытать.

Отец открыл рот, но мама его быстро перебила:

– О Поле Ферма? У них с Луизой пятеро детей было, но только старший, Клеман Самуэль, удачненький. После смерти батюшки опубликовал его работы. Илюша? – повернулась она к мужу. – Как книжка-то называлась?

– «Диофантова Арифметика, содержащая примечания Поля де Ферма», – буркнул отец.

– Вот и Диофант, – подхватила мама, – тоже не завидная судьба. В Александрии древней жил, личного счастья никакого, только задачки собирал да свои придумывал. Труд выпустил. По тем временам с чудным названием «Арифметика». Из тринадцати томов только шесть пережили средневековое лихолетье. Бился Диофант, бился, а труды его коту под хвост, математику-то ко временам древних вавилонян отбросило.

– Я же не прошу на бумажке доказательство теоремы Ферма написать! – обиженно пробурчал Антон. – Трудно вам сказать: есть оно или нет? Четыре века люди бьются!

– Да, – горько вздохнула мама, – некоторые так, сердешные, переживали, все доказывали... На дуэли бились и даже самоубийством жизнь заканчивали.

– И как Ферма им на том свете в глаза смотрел? – Антон чуть не подпрыгнул от любопытства. – Совесть его не мучила?

Но мама умела ловко уходить от ответа про «на том свете» к фактам «на этом».

– Совесть! – махнула она рукой. – Ведь Поль Ферма судьей был. Илюша, в каком городе? Правильно, в Тулузе. Карьеру сделал, но не потому, что особо на службе убивался, а чума тогда свирепствовала, вот он и продвинулся.

– Поль де Ферма величайший ученый! – гневно воскликнул отец.

– А кто спорит? – откатывает назад мама. – Я только хотела сказать, что священников провинившихся он на костер с удовольствием отправлял. Суд не затягивал, быстро приговор подписывал. Илюша, не нервничай. Тебе вредно нервничать. То есть уже не вредно, но...

– Папа! Одно слово! – умолял Антон. – Просто кивни. Ты видел доказательство?

– Илюша, помни, кому ты навредить можешь, – тихо напоминала мама.

Отец уже набрал воздуха, но горестный всхлип мамы отрезвил его. Отец нахмурился.

– Тебе никто не запрещает включить свой логический аппарат, – сказал он сыну. – Выводы, к которым может прийти один человек, не заказаны для другого.

– Ферма ошибся? – быстро и настойчиво спрашивал Антон. – Выдвинул гипотезу и не удосужился ее доказать? Розыгрыш? Такой миленький розыгрыш всего лишь на четыреста лет? Старикашка чуть-чуть пошутил, а мы корячимся?

Отец взял газету и сделал вид, будто читает. Мама сочла нужным оправдать гения:

– Конечно, у Поля имелись недостатки. Но можно отметить и достоинства. Рене Декарт не совсем прав, называя Ферма хвастуном. Ведь все другие теоремы на полях «Арифметики» доказаны. Ферма и Паскаль вывели правила, которым подчиняются все азартные игры и заключаемые пари.

– То есть они, святые угодники, могли озолотиться при жизни? – продолжил мысль Антон. – Но благородно не стали этого делать. А теперь на небесах грызут от досады ногти и исходят желчью?

– Где ж там желчь? – хмыкнула мама, вновь настроившаяся на педагогическую волну. – Мой мальчик, ты должен понять, что ты не можешь понять, а то, что поймешь, будет вредно для твоего развития.

– Еще раз! – попросил Антон. – Чего вредно понять?

– Чтобы тебе стало ясно, – медленно произнесла мама, – я приведу пример. Ты, маленький мальчик, спрашиваешь, откуда берутся дети. Мы тебе правдиво, но конспективно объясняем суть. Ты же начинаешь выпытывать интимные подробности процесса. Их знание может нанести большой вред твоей психике, исковеркать дальнейшую жизнь.

– Мама! Я давно не маленький мальчик!

– А вот в этом мы позволим себе не согласиться. Правда, Илюша?

И принялась усиленно работать спицами – вязать вещь, которая, будто покрывало Пенелопы, не увеличивалась в размерах.

Иногда мама бормотала себе под нос:

– Особенно детишек маленьких жалко! То есть не их самих теперь, а родителей, особенно мамочек. Вот недалеко, на Третьей улице Октябрьского Поля, мальчонка от скарлатины умер. Мать второй месяц лежит безучастная. Отец, то есть муж, внешне как бы держится, а коронарная артерия у него не толще мизинца стала. Сердце в любой момент может отказать. Да и что надо? Просто прийти и сказать...

– Светлана Владимировна! – упрекает отец официальным тоном. – Не забываетесь! Кто вы и кто ваш сын!

– Ой, молчу, молчу! – спохватывается мама.

– Значит, – допытывается Антон, – с того света можно легко устанавливать медицинские диагнозы и предсказывать будущее? Папа ребенка тоже скоро в ящик сыграет?

– Ты выражаешься вульгарно! – пеняет мама. – Следи за своей речью!

Словом, их разговоры ничем не отличались от прежних бесед, за исключением маленькой детали – главными фигурантами были покойники. Информацию, которую Антон получал от мамы и отца, была не уникальной, спрятанной за семью печатями, и легко отыскивалась в простых земных книгах.

* * *

К родителям Вити Федорова Антон пошел без маминой подсказки. На вопрос «Зачем?» Антон не смог бы внятно ответить. Не волю же покойника, по телефону названивавшего, хотел выполнить! Да и ни о чем конкретно погибший не просил.

Дом – близнец дома Антона. Даже пахнет так же – воспоминанием о стойких ароматах времен отсутствия кодовых замков. Теперь чисто, моют, но несет неистребимым старым кошачьим туалетом.

Антон медленно поднимался по ступенькам. Двадцать лет здесь не был. Детство! Вот на этой площадке они впервые презерватив исследовали. Брезгливо держали двумя пальцами и обсуждали этапы натягивания. Надпись на стене закрашена, но прочитать можно: «Антон плюс Даша равняется лав». Какая Даша? А ведь сам писал. В этом углу Витьку после кубинского рома так тошнило, чуть желудок наружу не выскакивал. Они, сами нетрезвые, до двери его дотасили, позвонили, хотели с рук на руки передать, а Витя шага не смог сделать, рухнул сломанной куклой под ноги мамы. Они почему-то испугались и бросились наутек вниз по лестнице.

Нет Витьки. Утонул. Глупая, нелепая смерть. Или есть в ней какой-то смысл? Посланцы с того света неплохо выглядят, на горемык и страдальцев не похожи.

Антон смутно помнил маму Витьки, но никогда бы не узнал ее в лежащем на кровати маленьком скелети-ке, обтянутом кожей. Антон присел на стул рядом, его колени упирались в столик, заставленный батареей пузырьков с лекарствами. В проеме двери маячила хмурая женщина, открывшая на его звонок. У нее Антон уточнил имя матери Витьки – Анна Викторовна. Конечно.

– Антошенька! – астматически задыхаясь, радовалась старушка. – Заглянул проведать! Вот спасибо! Сколько же мы не виделись? Наверное, года три?

Если быть точными – семнадцать лет, но Антон согласно кивнул.

– Я тебя помню совсем маленьким! Люда, Люда! – позвала она. – Принеси Витенькины школьные фото. Это невестка моя, жена старшего сына, – пояснила Анна Викторовна.

Она взяла дрожащими руками большую фотографию выпускного класса, где все они, ученики и учителя, были сняты по грудь и заключены в овалы (теперь Антону это напоминало снимки на кладбищенских памятниках), овалы шли в несколько рядов друг над другом.

– Вот ты! – Анна Викторовна показала на другого мальчика.

– Верно, – подтвердил Антон, чей портрет располагался тремя рядами ниже.

– А вот Витенька мой! – Анна Викторовна не ошиблась.

Костлявым пальчиком гладила снимок, хотела всплакнуть, поджала губы, но слезы не пролились. Слишком велика радость от нечаянного визитера.

Антон видел, что из нее вытекла почти вся жизнь. По капле, ручейком или прорвавшейся плотиной озеро теряло воду, и сейчас осталась небольшая лужа. Но и в этой луже заиграла вода, легкие волны пробежали по поверхности.

– Как ты? – спросила Анна Викторовна. – Семья, детки?

– Все как у людей.

– Родители живы-здоровы?

– Они в полном порядке. – Тут Антон, кажется, не соврал.

Он стал вспоминать детство, их проказы – невинные, не способные оскорбить материнское ухо. Анна Викторовна кивала, делала вид, что все помнит. Хотя на самом деле погибший сыночек жил в ее памяти беспомощным младенцем и крохой, делающей первые шаги. Антон терпеливо выслушал рассказы про то, как Витенька не любил ходить на горшок и до пяти лет требовал пустышку.

Невестку их мирная беседа, очевидно, успокоила, Антон уже не казался подозрительным типом. Она вошла в комнату, накапала в стаканчик лекарства, протянула свекрови:

– Вам, мама, вредно нервничать! Выпейте! Я в магазин пока схожу.

Удалилась она вовремя, Антон смог перейти к делу:

– Анна Викторовна! Со мной в последнее время такая петрушка... Словом, Витя мне снится... Почти каждую ночь.

– Правда? – обрадовалась, словно речь шла о телефонном общении. Впрочем, так ведь и было. – Что же он говорит, мой мальчик?

– Вспоминает о книге, роман Акутагавы, который я ему дал почитать перед... перед... – замялся Антон.

– Перед смертью, – легко подсказала старушка. – Дальше-то что?

Она не проявляла признаков удивления, подозрительности или участия: мол, мальчик, как у тебя с головкой?

Напротив, подалась заинтересованно вперед, на локотках приподнялась.

Очевидно, подумал Антон, для людей, которые стоят одной ногой в могиле, граница между мирами размыта. Ты еще не нырнул, но уже раздет. Впереди океан (в него утекают твои жизненные силы?), позади шумный город. В купальном костюме или вовсе нагим можно зайти в воду, но нельзя заявиться на работу или в ресторан.

– Дальше... он хочет вернуть книгу. Говорит, она упала за другими книгами на третьей снизу полке.

– Это в другой комнате! – произнесла с отчаянием Анна Викторовна и упала на подушки. – Ты... ты иди посмотри, найди.

Антон понял, что ей очень хочется присутствовать при изъятии книги, а пройти пять метров туда и обратно сил нет.

– Давайте я вас отнесу? – вдруг услышал он свой голос.

Анна Викторовна с готовностью откинула край одеяла.

Жест истинно женский, в сотнях фильмов обыгранный как эротический. А уж в реальной жизни сколько раз женщины вот так представляли взору свои прелести – не сосчитать. Теперь в действиях Анны Викторовны никакой эротики, естественно, не было. Но воробыиное худенькое ее тельце, покрытое ситцевой сорочкой в мелкий цветочек, отвращения не вызывало.

Мысли пронеслись в голове Антона за доли секунды: про истинно женский жест, про неощущение им брезгливости, про эту умирающую женщину, когда-то определенно сбрасывавшую одеяло с другой целью, про себя – идиота, который черт знает чем занимается.

Он наклонился, Анна Викторовна воробьиной лапкой захватила его за шею. Правую руку Антон подsunул под ее птичьи острые колени, левой обнял за спину и поднял с постели. Легко, но не сказать, что Анна Викторовна была совершенно невесомой.

– Прямо, направо, налево, – командовала старушка. – Открывай дверь, посади меня в кресло. Ищи, вон та полка!

Книга находилась, где и предсказывалось. Акутагава. Они увлекались его творчеством в десятом классе. Не столько из любви к мировой литературе, сколько из-за возможности сказать какой-нибудь девчонке: «В последнее время балдею от японского неореализма. Как тебе эссе Акутагавы?»

Антон держал книгу в руках. Анна Викторовна смотрела на томик с жадностью старика, которому очень хочется съесть фрукт. Но старик знает, что ему фрукт дней не продлит, а ребенку полезен.

– Вот и хорошо! – говорила она булькающим астматическим голосом. – Нашел свою книжку, Витенька вернул ее. Он всегда был очень честным мальчиком.

– Возьмите. – Антон протянул ей томик. – У меня есть такая, я давно новую купил.

Анна Викторовна прижала книгу к груди, словно дорогой подарок, отнекивалась, благодарил. Потом спросила с затаенной надеждой:

– Мне Витенька ничего не просил передать? В твоих снах меня не вспоминал?

– Как же, – прокашлялся Антон, прежде чем заговорить, – в том-то и дело, что он... как бы это... беспокоится о вас, переживает... Но в то же время, – Антон стал врать увереннее, – ждет встречи с нетерпением.

– Я тоже жду! – всхлипнула старушка.

– Просил передать: волноваться и отчаиваться не надо. Условия там комфортные и обстановка вполне благоприятная, – зачем-то добавил Антон.

– Спасибо! Спасибо тебе! – торопливо и взволнованно проговорила Анна Викторовна. – Какая радость! Какую радость ты мне принес, Антошенька! Я теперь спокойно свой последний час встречу.

Она целовала книгу, снова прижимала ее к груди, смотрела на Антона точно на ангела, посланца небес.

«В некотором роде таковым и выступаю», – подумал Антон не без бахвальства. И одернул себя – доморощенный ходячий хоспис! Будешь теперь шляться по умирающим и утешать их? Еще объявление подай в газету: «Облегчаю отход в мир иной лежащим на смертном одре. Не причастие, не священник. Качество гарантировано. Плата по таксе».

Он отнес Анну Викторовну на кровать. Старушка совсем обессилела от переживаний. Глаза закрыты, но книгу цепко у груди держит. Антон тихо попрощался и ушел.

Не видел, что Анна Викторовна приоткрыла глаза и перекрестила его спину: «Храни тебя Бог!»

СЕМЕЙНЫЙ УЖИН

Около своего подъезда, как уже повелось, Антон остановился поболтать с Ириной Сергеевной. Пока она перечисляла, собака из какой квартиры под каким кустом нагадила, Антон думал о том, что в его жизни появилось слишком много старушек. Они вытеснили молодых женщин – живых, полнокровных, в меру темпераментных, не отказавшихся, чтобы их носили на руках. Лена не звонит, характер выдерживает. И та девушка, с ребенком... Воспоминание о ней застряло в мозгу как смутное подозрение о большой ошибке. Точно сплоховал, редкий шанс не разглядел.

Нечто подобное, но с крепким меркантильным духом уже было в его биографии. С приятелем шли по улице. Тому вдруг пришла идея приобрести лотерейные билеты. Купил два билета, один протянул Антону. Антон сказал, что достаточно хорошо знает теорию вероятностей, чтобы рисковать полтинником. Билет Антона выиграл мотоцикл. К большой зависти Антона, приятель катался на «его» мотике.

Теперь предчувствие намекало не на материальную потерю, а нечто расплывчато судьбоносное. С другой стороны, успокаивал себя Антон, не жениться же ему на аферистке, которая на чистом глазу уверяет, что совершенно посторонний ребенок – его, Антона, сын! В общем-то симпатичный бутуз... здоровенький и потешный...

В пролетевшем мимо уха монологе Ирины Сергеевны Антон зацепил слово «девушки» и переспросил:

– Что девушки?

– Да одна срамота! Идут по улице, папиросу смолят и пиво из бутылки сосут! Каких они после этого детей будут рожать?

– Они, Ирина Сергеевна, детей не рожают. Из них исключительно пепельницы и банки джин-тоники выскакивают.

Старушка испуганно ахнула, потом махнула рукой:

– Шутишь! Ну, иди! Опять заболтала тебя.

Дома Антона встретила крошечная темнота и тишина. Не снимая пальто, он побежал по квартире, на ходу включая свет. Родителей не было! Остановился в кухне, покрутился вокруг своей оси – ужин на плите, а родители отсутствуют. Он взвыл от отчаяния:

– Да что же это! Так нельзя! Нервы живому человеку рвать!

Несколько лет назад он пережил горе, похоронив родителей. Оклемался. Едва не чокнулся, когда они вернулись. И снова потерял? Что за идиотская игра в прятки? Жестокая и грубая, ведь проигравший в ней заранее известен.

Верните моих стариков! Маму с вязаньем и морально-нравственным воспитанием. Отца, с его пространными рассуждениями и увлечением кроссвордами. Где они? Где люди, которые любят его пронзительно, иррационально? Пытаются загнать свою любовь в правильные рамки, а она ползет из всех щелей. Хотят сделать как лучше и усложняют ему жизнь. Никто никогда не любил и не будет любить его так, как отец с матерью. Подлость! Показать их и снова спрятать!

Антон услышал звук телевизора. Доплелся до гостиной. Сидят, смотрят «Новости». Живые (как бы) и невредимые. Три минуты назад их здесь не было.

Антон молча привалился к косяку двери. Мама сосредоточенно ковыряла спицами. Отец отвел взгляд от экрана и посмотрел на сына:

– Снова взрывы в Чечне. Почему мы не интересуемся историей образования своего государства?

– Все нормально, папа, – нервно рассмеялся Антон, – более всего сейчас меня заботит история России.

– Но на тех же самых территориях! Генерал Ермолов и прочие, – горячился отец. – Еще Грибоедов писал докладную записку в министерство иностранных дел...

– Грибоедов давно не бедствует, – перебила мама, – а ребенок с работы пришел, кушать хочет, про политику стародавнюю потом поговорите.

Она отложила вязанье и погнала всех на кухню. Перед ужином Антон с отцом выпили по рюмке водки. Сын с аппетитом уминал натуральные, политые сметаной, голубцы, родители тоже возили вилками по тарелкам и как бы ели.

Когда мама накрыла чай, поставила в центр стола пахнущую корицей, не горячую, но теплую, как Антон любил, шарлотку с яблоками, он заговорил о том, что его волновало. Старался не упрекать и неожиданно поймал себя на мысли: в старом, прижизненном, общении нередко уличал их в просчетах. Ты, мама, еще меня не дослушала, а уже решила, что я стекло выбил, когда в футбол играли. Ты, папа, сначала условие задачи посмотри, в ней же элементарная ошибка, а потом меня в неправильном применении формул сокращенного умножения обвиняй. Наверное, все дети после смерти родителей кусают локти: почему я не был с ними добр и ласков ежесекундно? Антону выпала редкая удача – исправить ошибки.

– Дорогие мои! – произнес он. – Вы не будете оспаривать тот факт, что я живой человек? Отлично. Идем далее. Мне большого усилия стоило принять ваше возвращение. Ваш спорадический, без предупреждения уход, а тем паче если подобное будет повторяться, обратит меня в руины. Согласны? Давайте выработаем правила: явки, пароли, ответы-отзывы. Только не так, как сегодня вечером.

– Что и требовалось доказать! – воскликнул отец и двинул рукой с трубкой.

На него посмотреть – они уже долгое время обсуждают проблему общения миров. Ничего подобного не было!

Как всегда, мама внесла простую бытовую ясность:

– У тебя старухи вытеснили молодых женщин! Умирающих на руках носить – не переносишься.

Почти дословно мысли Антона! Значит, и наблюдают, и диагнозы ставят, и мысли читают.

– Мы не хотели мешать, – продолжала мама. – Разве мы стали бы тебе во вред? Конечно, эгоизм наш родительский... Жены у тебя нет, а тараканов развел! Они от грязи. Мы все вымыли, порошок насыпали, три последних дня ни одного не видела!

– Света! – перебил отец. – При чем здесь тараканы? Тараканы – сопутствующее. Суть в другом.

– В чем? – спросила мама с вызовом.

– В том, что он не женится! – Отец тоже повысил голос. – В кого такой? Антон, доведу до твоего сведения, у нас в роду держателей гаремов не было! Все как люди, в положенное время женились, плодились и поднимали детей.

– А твой прадед, Илюша, купец симбирский, – встряла мама, – имел двух любовниц и пятерых детей от них, не считая семерых законных отпрысков.

– Вопрос с любовницами мы давно закрыли! – напомнил отец.

Так было и раньше со стариками – начнется разговор с озоновых дыр над Антарктидой, закончится проблемами урожайности картофеля. И Антон невольно поддавался смене тем.

– Кстати о детях и женитьбе. Симпатичная девушка, то есть женщина, молодая мать, которая сюда заявила... Такая... вздернутый носик, как у Пятачка? И младенец-здоровяк при ней? Не по вашей части?

По тому, как переглянулись растерянно отец и мать, Антон понял, что им о странном визите ничего не известно. И похолодел от страшной догадки:

– Может, я сам того... Через некоторое время или уже? А на земле оставил вдову с ребенком?

– Не говори глупостей! – нахмурилась мама и «объяснила»: – Если бы так было, то мы бы не так были.

– Параллельные миры? – задумчиво проговорил отец. – Эта теория всегда вызывала у меня сомнения ввиду недостаточности доказательной базы. Хотя, надо признать, многие великие умы ее разделяют.

– Забудьте! – Антон беспокоился, что сейчас их уведет далеко в сторону. Девушка с ребенком все-таки больная на голову аферистка. А сейчас надо выяснить другое. – Объясните мне нелогичность следующего: где я был, что я делал и что думал, – вам известно. Не спорьте! От кого я не боюсь иметь секретов, так это от своих, извините, усопших родителей. В конце концов, даже приятно – перед кем-нибудь быть кристально прозрачным, обладая гарантией, что твои грешные мысли не будут использованы тебе же во вред. Итак, сканируя меня ежесекундно, как вы могли не знать, что я приду один, без дамы сердца? Что, загробная оптика тоже отказывает? Или на нашей лестнице барахлит?

Ответа Антон не добился. У родителей появилось на лице характерное выражение: наш мальчик задает неприличные вопросы. Обычно словоохотливые, тут они поджали губы, враз состарившись на добрых десять лет.

– Ладно, – сдался Антон. – Но хотя бы обещайте, что не будете исчезать без предупреждения.

– Ты просто позвони по телефону, – предложила мама, – если по каким-либо причинам наше присутствие будет нежелательно.

– И вы ответите? – удивился Антон.

– Если именно нам звонишь, – подтвердил отец, – почему же не ответить?

– Потому что количество «почему?», папа, переходит границы возможностей даже такого высокоорганизованного ума, как мой.

– Шарлотка совсем остыла, – с явной поспешностью увела разговор в сторону мама. – Будете есть или болтать?

* * *

Ведя двойную жизнь, Антон чувствовал себя приблудой в храме иноверцев. Естественно, хотелось найти братьев по разуму или родного православного попа.

Иными словами, поделиться с кем-нибудь обрушившимися на него новыми знаниями и бытием.

Как здоровый нормальный человек, Антон понимал, что лучшие подушки для слез – друзья и родные. Представил себе, как приходит к Татьяне и рассказывает, что опять живет с мамой и папой, они по-прежнему забавно препираются и досказывают друг за другом фразы... Или делится с Серегой Афанасьевым, который на лучших фильмах научной фантастики засыпал богатырским сном... Да! Их реакция просчитывается без вариантов. Искренняя печаль, санитары со смиренной рубашкой и регулярные передачи в психлечебницу.

Как человек образованный и культурный, Антон знал, что состоятельные современники, заведись у них тараканы в голове, бегут к психоаналитикам. Но к этой категории врачей он испытывал большое недоверие после того, как прочитал на одном сайте анализ деятельности некоторых успешных американских (самых прогрессивных) психоаналитиков. Среди прочих наглядных там описывался и такой случай.

Пышнотелая девица пришла к аналитику и посетовала, что никак не может завести амурной связи. Вместо того чтобы сказать ей: «Умерь аппетит, займись физкультурой, похудей и веди активный образ жизни!» – врач долго ее тестировал и нашел подсознательное отклонение. Она-де в каждом юноше подозревает недостатки собственного отца, которые так мучили ее в детстве. Ладно бы дело ограничилось несколькими месяцами или годом. Но терапия дли-

лась пятнадцать лет! Девушка жирнела и жирнела, врач находил в каждом парне, на которого падал ее вожделенный взгляд, сходство с покойным батюшкой. Все были довольны: старая дева питалась в свое удовольствие, на банковский счет врача капали доллары, на регулярных сеансах они обсуждали, какой из папочкиных недостатков стал роковым на этот раз, возможные претенденты на пышное тело и трепетное сердце не подозревали, что таковыми являются.

И все-таки, понимал Антон, хотя специалисты «по бзикам» не лишены меркантильных забот, да и строгой наукой их деятельность не назовешь, но именно они способны дать какие-то ориентиры. В силу множественности случаев, то есть диагнозов. Психиатр не знает, откуда у Тютки-на-Пупкина стремление свить гнездо на березе и там ночевать. Что за процессы в мозгу, каков химизм – мрак. Но таких гнездостроителей в истории психиатрии набралось несколько десятков. Их порол розгами, жгли огнем, пропускали через мозг электрический ток, вызывали инсулиновый шок – безрезультатно. А потом кто-то догадался перетащить гнездо на семейное ложе, и человек-птица уgomонился, зажил нормальной степенной жизнью. Пример образный, но по сути точный.

Итак, психоаналитики. Тоже люди. Не исключено, что, как священники-попы в советские времена доносили в партком на каждого родителя, крестившего ребенка, психоаналитики за мзду дают сведения на личностей с отклонениями в какую-нибудь базу, из которой черпают данные крупные работодатели. Антон считал одним из своих замечательных качеств способность предвидеть плачевные последствия. Перестраховка – не очень романтическое свойство, но не раз его выручавшее.

Чего мы хотим? Психоаналитика, он же психиатр, он же психолог, он же что угодно, начинающееся на «псих», – человека, обладающего суммой хотя бы конспективных знаний, накопленных в области его профессиональных интересов.

Чего требуется избежать? Личного общения, анкетных данных и ковыряния «любил ли ты маму, когда был маленьким, так, чтобы ненавидеть отца?». Маму Антон любил и любит. Папу готов был иногда расстрелять – большей частью, когда отец справедливо порол или, хуже того, читал нудные нотации. Отец у него – мировой мужик! Не о том речь. Задача поставлена, программа запущена. Ждем, появятся ли на мониторе варианты ответа.

Антону иногда казалось, что он сроднился с электронными машинами, потому что мозг у него устроен по аналогичному принципу. Загрузить в программу: знания из книг, кино, телевидения, человеческого общения, Интернета – всего, что излучает информацию. Возникает проблема – «кликнуть мышкой» на нужную строчку, и пусть жесткий диск варит.

Есть! Телефон службы доверия. Когда-то глаз «зацепил» в телефонном справочнике: «Если вы испытываете душевный дискомфорт, если вам необходимо поделиться своими проблемами, позвоните в бесплатную службу срочной психиатрической помощи! Надейтесь на лучшее. Обратитесь к профессионалам!»

ЗВОНОК ВРАЧУ

Только в третьем интернет-кафе Антон нашел то, что нужно. Первые два предлагали культурный компьютерный отдых и развлечения. Провода и кабели от машин прятались в загородках, обслуживающий персонал бдительно следил, чтобы посетители не резвились на порносайтах. Третье кафе располагалось в подвале, отремонтированном на скорую руку. Сразу за входом принимал деньги парень с отрешенным лицом мученика хронического похмелья. Антон прошел мимо красноглазых подростков, уставившихся на мониторы с вождением и возбуждением. Детки играли в компьютерные игры.

Антон занял столик в углу. Достал из портфеля тонкие кабели, поколдовал с телефонной розеткой и жестким диском. Запустил нужную программу со своего си-ди, подсоединил сотовый телефон. Набрал номер.

– Добрый вечер! – ответил приятный женский голос. – Вы позвонили в службу доверия. Слушаем вас!

Антон молчал. Он не продумал, с чего начать беседу, и чувствовал себя полным идиотом, готовым с ходу заявить: ко мне покойники зачастили.

– Не смущайтесь! Наша служба абсолютно анонимна. Меня зовут Елена Петровна. А как вас зовут?

– Ан... Глеб, – откашлялся Антон, сообразив, что настоящее имя выдавать не следует. – Глеб Егорович.

– Очень приятно. Глеб Егорович, какие проблемы вас волнуют?

Антон неопределенно промэкал и пробэкал.

– Но ведь если вы позвонили, – настаивала Елена Петровна, – значит, испытываете потребность с кем-то поделиться, не так ли? Ну, смелее!

– Вы, простите, кто по образованию или по профессии? – решился Антон.

– Социальный работник.

– А мне нужен психиатр или психолог, – заявил Антон и тут же предупредил: – Но я совершенно ментально здоров!

– Вы позвонили по адресу. По образованию я психолог. Итак?

Антон шумно выдохнул и проговорил:

– Я общаюсь с умершими людьми!

– Так, так, – без удивления и подбадривающе отреагировала психолог. – Расскажите подробнее. Как часто, в какой форме происходит общение?

– Ежедневно. Со мной теперь живут родители, умершие много лет назад. Еще приятель звонит, который утонул. И соседка, склочная тетка, поболтать любит, ее в прошлом году похоронили.

– Очень интересно! Скажите, а не призывают ли вас покойники отправиться вместе с ними? Не рассказывают о прелестях того мира?

Проверяет наличие у меня суицидальной направленности, подумал Антон. Точно! Когда-то читал, что все эти службы были задуманы, чтобы выявлять потенциальных самоубийц и быстренько их отлавливать.

– Ни в коей мере! – заверил он. – Напротив! Покойники никуда меня не зовут, да и сам я не собираюсь расставаться в ближайшее время с жизнью. А вы, – упрекнул он, – все-таки считаете меня психом!

– Напрасно вы так решили, Глеб Егорович.

«Кто такой Глеб Егорович? Вы с кем разговариваете?» – едва не воскликнул Антон, потом вспомнил, что это он сам.

– Элементарная логика, – усмехнулся Антон. – Если вы, Елена Петровна, по образованию психолог, а на самом деле наверняка психиатр – иначе в данной службе вам делать нечего, – так вот, если бы вы держали меня за нормального, то поинтересовались бы, какие они из себя, ожившие покойники. Согласитесь, тема крайне занимательная, для психически здоровых людей, естественно.

– Как раз об этом я и хотела расспросить. Ведь и вам не терпится поведать?

– Верно. Но прежде еще один вопрос. Встречались ли в вашей практике люди, подобные мне? Утверждавшие, что существуют в двух мирах?

– Неоднократно, – заверила она. – Это достаточно распространенный...

– Сдвиг по фазе? – подсказал Антон. – А также вы лечили наполеонов, александров македонских, гнездострой-телей и чудиков, втемяшивших себе, что могут дышать под водой.

– Глеб Егорович! Вы мне позвонили, – напомнила врач, – а не я вам. Не исключено, что вместе мы сумеем разобраться в ваших проблемах, а одному не получается. Значит, вернулись умершие родители? Как они выглядят?

– Как при жизни. Не такие, что были в гробу или во время болезни. Скажем – последний период нормального здравствования. Не постарели, не помолодели и взглядов не поменяли. Форма вполне материальная. Тело на ощупь – вроде ваты, такой же температуры и упругости. Дотрагиваться, признаюсь, удовольствия не доставляет. Что еще их отличает от живых? Не чувствуют вкуса пищи, табака или спиртного. Старики вместе со мной трапезничают, но только, что называется, отбывают номер, все проваливается как в черную дыру. Туалетом не пользуются – это точно. Мама прекрасно готовит и из тех продуктов, что покупаю. Отличные завтраки и ужины, перестал обедать на работе. В квартире убирают, но мусор не выносят. Телевизор смотрят, но клеточки в кроссворде, которые на моих глазах отец заполнял, утром оказываются пусты. Далее – не спят. В первый вечер я постелил им в гостиной, на подушках утром ни вмятинки, простыни в струнку. Потом вообще перестали тратить силы на раскладывание постели. Делаем вид, что все самой собой. Я могу им позвонить по телефону. Важная деталь – ответят, если хочу поговорить именно с ними. Звонки посторонних остаются без ответа. Витя, одноклассник утонувший, тоже мне звонил. Поблагодарил, что его маму проведаль.

– Мама Вити покойница?

– Почти. Не сегодня завтра преставится. Обрадовалась приветам с того света, которые я передал.

– Продолжайте, Глеб Егорович.

Антон вошел в раж, слова сыпались из него легко – наконец-то выпал случай вслух выплеснуть накопившуюся информацию.

– Покойники решительно пресекают мои попытки выяснить реалии того света. Согласитесь, интересно узнать, каково нам будет после кончины. Мама к расспросам относится так, словно ее сынок пошел по кривой дорожке и хочет связаться с плохой компанией. Отец давит на полную несовместимость терминов и понятий этого мира и загробного. Как следствие – невозможность вербальной состыковки. Я пытался «расколоть» Ирину Сергеевну, покойную соседку. Она при жизни была недалекого ума и после смерти интеллекта не прибавилось. После моих вопросов устала на меня так, будто умоляю провести тайком в женскую баню. Подозреваю, что их боязнь открыться каким-то образом связана с моей безопасностью. Скажем, много буду знать, быстро в ящик сыграю.

Антон говорил, Елена Петровна подавала одобряющие «так-так, ага-ага» и при этом сопела как человек, одновременно выполняющий невидимую собеседнику работу. Подобные голоса бывают у телефонных распространителей товаров и услуг. Агитируют тебя и барабанят по клавишам компьютера.

– Вы пытаетесь выяснить номер телефона, с которого я звоню? – догадался Антон. – Напрасный труд. Определитель номера не сработал, а служба, в которую вы обращаетесь,

получит интернет-провайдера с его несколькими тысячами абонентов. Чтобы меня вычислить, необходимы возможности ФСБ и часов пять работы. Бросьте! Мы же договорились, что будем считать меня нормальным человеком и поговорим как взрослые люди. Елена Петровна! Я понимаю: все, что изложил, отчаянно смахивает на бред. Но вы можете на несколько минут представить, будто все – правда?

– Странно, – пробормотала психиатр. – Простите, это я не вам.

Антон понял, что она получила подтверждение его слов – тысячи возможных телефонных номеров.

– Не тратьте время даром, – посоветовал он.

– Глеб Егорович, в чем ваши проблемы? Покойники есть не просят, давления на вас не оказывают.

– Но согласитесь! Это ненормально – видеть усопших и разговаривать с ними!

– Только что вы утверждали, что совершенно здоровы.

– Я-то здоров, а они... мертвые... были... раньше.

– Воскреснув, чего все-таки хотят от вас?

– Да ничего не хотят! Ничего выходящего за рамки обычного человеческого общения.

Друг книгу вернул, соседка лясы точит, родители заботятся.

– Ситуация достаточно сложная, с кондачка ее не раз-рулить. Что, если нам встретиться? Конфиденциально, с глазу на глаз?

А за дверью будут медсестры наготове со шприцами и санитары с носилками, мысленно усмехнулся Антон.

– Нет уж, – вслух сказал он, – лучше давайте не с глазу на глаз, а с уха на ухо.

– Дяденька! – Его тронул за плечо красноглазый шатающийся геймер. – Займите сто рублей, пожалуйста!

Если бы парнишке сейчас вложили в руки нож и сказали: «Зарежь дядьку, получишь деньги, продолжишь игру», он бы, не задумываясь, всадил финку.

Антон достал бумажник, вытащил купюру и протянул мальчишке. Тот, не благодаря, удалился.

– Вы не один? – удивилась Елена Петровна. – Я слышала какой-то разговор.

Антон задумался, потом признался:

– Большого секрета не будет, если скажу, что звоню из интернет-кафе. Здесь отроки большей частью, но есть и отроковицы, под видом того, что пошли на дополнительные занятия по химии либо в спортивную секцию, режутся в стрелялки и бродилки.

Елена Петровна впервые за всю беседу проявила эмоцию, не профессионально выверенную, а простую человеческую, материнскую. Тяжко вздохнула.

– Сын или дочь? – спросил Антон. – Дома от компьютера не отлипает, деньги ворует, говорит, в кино пошел, а сам в интернет-кафе бегаёт?

Елена Петровна красноречиво молчала, подтверждая догадку.

– Но ведь было бы хуже, свяжись ваше чадо с наркотиками? – успокоил Антон. – Знаете что... дайте ему наиграться до умопомрачения. Мировой рекорд установил румынский парнишка. Пятьдесят три часа просидел за монитором, был отвезен в клинику с сильнейшим нервным и физическим истощением. У вас, скорее всего, подобной крайности не случится. Но от компьютера не отпускайте, пока не свалится. Никаких врачей и капельниц! Везите бесчувственного на природу, в дискотеку, на хоккей – вы лучше знаете своего ребенка и его зародышные пристрастия. Главное – показать прелесть других удовольствий и обязательно на пике перенасыщения компьютерными играми. Того, что окончательно вылечится, гарантировать не могу. Это как малярия – с регулярными приступами, но и с длительными периодами нормального здоровья. От страсти может вылечить только осознание мелкости этой страсти.

– Любопытно, – отозвалась психиатр, – такого метода в литературе не... Глеб Егорович! Давайте вернемся к вашим проблемам.

– Давайте! – весело согласился Егор. – Какой диагноз вы мне поставили? Вялотекущая шизофрения?

– По телефону диагнозы не ставятся! – строго возразила доктор.

– Но ведь есть экспресс-методы? Почему не попробовать? Пожалуйста? – канючил он, как мальчишка, почувствовавший слабые стороны взрослого и близкое удовлетворение желания.

Следующие несколько минут Антон активно работал: толковал пословицы и поговорки, решал логические задачи, объяснял метафоры и гиперболы.

– Удивительно! – призналась Елена Петровна. – Отстраненное мышление как у...

– Нормального человека, – договорил Антон.

– И ваши видения, фантазии, связанные с покойниками, выстраиваются в стройную систему. Она походит на фантастический роман – плод фантазии...

– Мимо цели, – перебил Антон. – Единственное, что меня отличает от остальных людей, – неумение мечтать.

– Этого не может быть. Невозможное отклонение.

– И тем не менее.

– Просто вы свои мечты не ассоциируете как мечты. Скажем, параноидальное сознание или шизофреническое – целиком фантастическое. Великие люди здоровы ментально, но имеют подобного богатства более среднего уровня, потому они и гении. На другом полюсе – нищие духом, мечтающие о примитивных удовольствиях. В центре – подавляющее большинство, которое в меру темперамента и честолюбивых амбиций грезит об удовольствиях, уже освоенных кем-то другим.

– Получается, что мое отклонение – от нормы в сторону еще большей нормы?

– Вы заблуждаетесь, Глеб Егорович!

– Кто?

– Я называю вас тем именем, которым вы представились.

– Верно. Извините. Представим схему. С одной стороны гении, с другой – вегетативные особи. Внизу – психически больные. Тогда, для равновесия системы, сверху должны быть такие, как я? Сверхнормальные?

– Вы очень примитивно толкуете. Человеческая психика не поддается арифметическим действиям сложения и вычитания. Пример с гениями, психически больными и нормальными я привела для наглядности. Давайте вспомним ваше детство. Вы мечтали стать разведчиком, космическим десантником или, скажем, парикмахером?

– Нет! Не мечтал! Но пытался. Даже с помощью сестры. Она мне в красках живописала, как черный кожаный комбинезон холодит мое тело, как лазерным лучом направо и налево я превращаю в дым пакуобразных, напавших на планету Земля. Все напрасно! Тужился, тужился – мрак, выключенный монитор.

– Хорошо! – не унималась Елена Петровна. – Но во взрослом возрасте, сейчас, чтобы решить какую-либо проблему, вы включаете свое воображение, и оно подсказывает варианты, рисует возможное развитие событий.

– Не рисует! В том-то и дело! Как же вам объяснить? Что такое интерфейс компьютерной программы, знаете? В вин-доузе, например. Всякие иконки, картинки. А в нортоне только таблица, заполненная словами и цифрами. Так вот, я – не виндоуз, я – нортон, голая информация. Есть проблема, я ее принимаю, через некоторое время приходит решение. Может пройти секунда, час, тридцать дней – и выход отыщется безо всяких фантазий и мечтаний. И с покойниками я разберусь, будьте уверены. Конечно, случаются отклонения. Вдруг девушка с ребенком заявила. Это как вирус. Одна программа тебе говорит: «В систему хочет влезть вирус».

А три другие сигнализируют: «Исходя из непроверенных данных, вирус имеет большое позитивное значение». Елена Петровна, бывают полезные вирусы в медицине?

– Простите! Одну секунду! – Она зажала рукой микрофон, Антон услышал характерный шорох. Через минуту снова заговорила: – Глеб Егорович, моя смена закончилась. Будете говорить с другим психологом?

– Нет, благодарствуйте!

– Может, – задумчиво протянула она, – когда-нибудь еще раз позвоните?

– Хорошо, – согласился Антон. – А кого спросить?

Она тихо рассмеялась – вторая человеческая эмоция за всю беседу.

– Меня зовут Елена Петровна, забыли? По тому же телефону, по нечетным дням, с двух до десяти.

– Понял. Халтурка во вторую смену. Я позвоню.

– Буду ждать. Привет покойникам!

Снова простой женский смех, без всяких профессиональных выкрутасов.

– Передам! – заверил Антон.

Он выбрался из подвального интернет-кафе. Шел по улице и пребывал в самом благостном расположении духа. Черт побери! Не каждый день приходишь к заключению, что ты – избранный, ты – сверхчеловек! К тому же высок, строен и недурен лицом. Супермен! Живые современники должны быть счастливы, что живут в одно время со мной. Покойники уже счастливы.

Решение позвонить по телефону доверия было верным. Программа сбоя не дает. Что мама собиралась на ужин приготовить? Вареники с картошкой, посыпанные жареным луком. Вкуснотища!

СЛУЖБА ДОБРЫХ УСЛУГ

На работе который день был аврал. То, что тревога учебно-тренировочная, что вирус-червяк, атаковавший компьютеры Корпорации, был запущен своею собственной рукой, знали только Антон и его коллега. Остальные стояли на ушах, лихорадочно выясняли: хакер подумался или конкуренты под-суропили. Ставили защиты, чистили базы, тестировали, грузили программы. Приходилось каждый день являться на службу и барабанить от звонка до звонка. Но своего они добились: руководство забыло про идею прижать к ногтю сотрудников, проживавших рабочее время за играми.

Сергея Афанасьев предупредил Антона:

– Много треплешься! Это ведь ты присказку про Главный Пенис и маленький член у ББГ пустил!

Новое здание Корпорации, двадцатипятиэтажная башня темного стекла с закругленной крышей и двумя флигелями по бокам, действительно смахивало на гигантский фаллос. Переехали в новый офис полгода назад. Антон в шутку дал имя новому зданию и заметил, что начальство выбрало этот проект не иначе как по причине лилипутских размеров гениталий. С легкой руки Антона главный офис за глаза именовали Главным Пенисом. К большому неудовольствию руководства.

– Ты кого-то завербовал? – поразился Антон. – Тебе кто-то стучит? Из нашего отдела? Сергей! Строго между нами, на ушко – кто?

– Глупостей не говори! – прошептал Сергей и огляделся по сторонам.

– Намекни! Игорек? Прошкин? Валентина? Ну? – У Сергея глаза забежали, он явно сожалел, что завел разговор. – Строго говоря, – успокоил Антон, – про взаимосвязь маленького члена и любви к большим предметам не я первый придумал, а Фрейд.

– Это из какого управления? – оживился Сергей. – Из консалтинга?

– Нет, там Фрейдман. А Зигмунд Фрейд – великий австрийский психиатр, давно умерший.

Сергей разочарованно хмыкнул и перевел разговор на другое:

– В маркетинговое управление перевели из филиала новую референтку. Ты знаешь, я по должностной инструкции каждого нового сотрудника обязан...

– Отприходывать, – подсказал Антон.

– Верно. Она приходит... – Сергей вождественно заулыбался. – Юбка – во! – Он провел у себя чуть ниже живота. – Была бы мужиком, яйца бы светились. Так, говорю, девушка, и личное дело ее перелистываю, образование у вас отличное и послужной список впечатляет. Она не врубается, но трепещет. Тут я тест ей подсовываю. Бросаю на пол карандаш и командным голосом как рявкну: «Поднимите!» Не наклонилась, – уныло сморщился Сергей, – присела и быстро подняла. Но, Антон, она была готова! Зуб даю – готова отдаться!

– И ты? – заинтересованно спросил Антон.

– Что я? В служебных кабинетах у нас... Да ладно, не о том речь.

– Ты ее... или нет? – не понял Антон.

– Я ей лекцию прочитал, что она теперь работает в Главном Пенисе, тьфу ты, офисе, и длина юбки должна закрывать колени, чтобы не отвлекать сотрудников от производственных задач на посторонние мысли.

– Эх, Сергей! – рассмеялся Антон. – Все-таки ты уникальный человек! Бывает платоническая любовь, а у тебя – платонический разврат. Старика Фрейда такой случай наверняка бы заинтересовал. Спросить его при случае?

– Он же помер! – удивился Сергей. – Разыгрываешь? Все тебе хиханьки да хаханьки.

– Нет, а если серьезно? Если бы я, например, мог общаться с умершими?

– Зачем?

– Для блага живущих. Ведь те, кто преставились, много тайн унесли и могут подсказать, как облегчить существование.

На лице Сергея отразился тугой мысленный процесс, который закончился приговором:

– Такого не может быть? Верно? Значит, и рассуждать нечего.

– Но все-таки, – настаивал Антон, – как бы ты отнесся, передай я тебе привет от прадедушки, погибшего в Гражданскую войну?

– Не советую! – Серега похлопал его по плечу. – Говорят, в психушках плохо кормят и медсестры там – сплошь каракатицы.

* * *

Антон не случайно спросил друга о благих посланиях с того света. В последнее время он, Антон, превратился в службу добрых услуг на границе двух миров.

Началось с того, что сел после работы в свою машину (предварительно отключив сигнализацию и запоры дверей) и обнаружил внутри здорового лысого детину. Террикон мышц и спичечная головка сверху, интеллект в зародышевом состоянии, как стало ясно из спотыкающейся речи:

– Того, мужик, я это... извиняюсь. Ты один... это... вот... можешь помочь.

– Вы? – Антон показал на крышу автомобиля. – Оттуда?

– Ясен пень, – кивнул детина. – Год назад коньки отбросил. Я Вася.

– Приятно познакомиться, – хмыкнул Антон.

– Ты... это, если... вообще, то не надо, конечно.

– А конкретно?

– Я же говорю: сплел лапти неожиданно, то есть в перестрелке. А жена Вика и сын два годика, у него церебере... больной, в общем, пацан. Они нуждаются. Массажисты, врачи и вообще. Вика хочет квартиру продать, покупателей нашла. Понятно выражаюсь?

– Яснее некуда.

– Значит, сделаешь?

– Что именно?

– Так я же говорю: заначка у меня! В туалете, за унитазом, надо плитку кафеля поднять, там коробка, полная баксов. Коробка от кроссовок, – уточнил Вася.

– И что ты от меня хочешь? – разозлился Антон. – Чтобы я по твоим сортирам рыскал?

Вася на глазах скис, шмыгнул носом и обиженно забормотал:

– Оно конечно, если посмотреть... А в натуре, не заломало бы тебя позвонить... Вика, квартиру не продавай, возьми деньги, на первое время хватит...

– Диктуй телефон! – Антон достал ручку и блокнот.

Позвонив, он представился старым другом Василия и сообщил о кладе.

И дальше пошло-поехало.

Старенький профессор, естественно покойный, подкараулил Антона на пустынной улице, долго рассыпался в извинениях и сетовал, что дело его жизни последователь-ученик (талантливейший ученый!) вот-вот загубит на корню. Антон выслушал лекцию про какие-то рецепторы-ферменты, катализаторы-стабилизаторы и судьбоносность открытия.

– От меня-то чего хотите? – вздохнул Антон, очумев от молекулярной биологии.

– Голубчик! Проблема в том, что мой ученик невнимательно прочитал последнюю главу рукописи. Вернее, не обратил внимания на запись реакции, которую я зачеркнул. Но она абсолютно верна! Вот в чем трагедия! А выводы ошибочны, поэтому он идет неверным путем. Получит благословение академического начальства и станет разрабатывать тупиковую теорию! Вы же понимаете, голубчик, это катастрофа!

– Примерно, – согласился Антон, которого данные научные проблемы волновали не более чем погода на Марсе. – Профессор, встаньте на мое место.

– Ах, как хотелось бы!

«Это я, пожалуй, погорячился», – мысленно одернул себя Антон.

– Как, по-вашему, – продолжил он, – я могу сообщить об ошибке? Позвонить по телефону с информацией с того света или письмо написать от вашего имени?

– Голубчик! Я все продумал! Главное – ваша гражданская совесть и, скажу высокопарно, патриотический долг.

– Излагайте.

Усопший и вполне бодренький профессор поведал о том, что многие научные открытия, вернее – их предвестники, возникают в умах разных людей в разных точках мира. Так, один канадский исследователь подошел к проблеме с другой стороны, но не понял ценности своего труда. От Антона требовалось изъять из Интернета работы этого канадца и под видом веерной рассылки бросить в электронный ящик талантливого ученика-олуха. А уж тот не может не вспомнить о зачеркнутой реакции.

Антон просьбу выполнил. Отечественная молекулярная биология могла праздновать победу.

* * *

Покойники выбирали ситуацию, когда никого не было рядом. Материализовывались в закрытой машине, караулили на лестничной площадке или в пустынном дворе. Отличить их с первого взгляда от живых невозможно, шупать каждого постороннего человека не станешь. Поэтому несколько раз Антон промахивался.

Симпатичная молодая женщина сидит на скамейке в легком платице под дождем со снегом. Рыдает горячими слезами. Антон подумал, что ее ограбили и раздели.

– Не волнуйтесь! – успокоил он и стал доставать сотовый телефон. – Сейчас я вызову милицию.

– Не-не надо! – заикается. – Не-не поможет! Он пьет! Он пьет каждый день!

– Бьет? – переспросил Антон. – Вас кто-то бьет? Муж, приятель?

И тут он заметил, что, несмотря на дождь, платье девушки остается сухим. Волосы белым созревшим одуванчиком топорщатся на голове – ни капли влаги. И вся она – точно невидимой пленкой защищена от непогоды.

– Простите! – Не дожидаясь ответа, Антон задал следующий вопрос: – Вы, случайно, не... как бы немножко... не умерли?

– Да, да! – подняла к нему несчастное лицо. – Два месяца назад. Погибла! Я была в том самолете, который упал! – Новый взрыв рыданий и отчаянная попытка взять себя в руки. – Саша! Мой муж! Он пьет! Ужасно, каждый день, хочет убить себя алкоголем!

– Ага! – огрызнулся Антон. – Мне, как посланцу доброй воли, предлагается его утешить? Милая девушка! Неужели вы полагаете, что есть способ, при помощи которого один мужик другого может вытащить из пучины подобного горя? Если он не священник, конечно, а вдовец не ударился в религию. К вашему сведению, я – закоренелый атеист.

– Вы можете! – заверила девушка, плакать перестала и быстро заговорила: – Просто вам нужно послать ему на день рождения, у Саши через неделю день рождения, плюшевого медвежонка и записку.

– Медвежонка? Прекрасно! И записку. От вас, конечно. Обратный адрес прост – загробный мир. По секрету с того свету.

– Как же вы не поймете! – воскликнула погибшая. – Ведь человека спасать надо!

– Хотите, – скривился Антон, который не мог развернуться спиной к плачущей женщине, даже если она некоторое время назад преставилась, – за свои деньги я вызову к нему бригаду наркологов?

Он представил хлопоты и скривился еще больше.

– Нет! – Девушка помотала головой и молитвенно сложила руки. – Заклинаю! Хотите, на колени стану? Я сейчас... пустота... Но ведь у вас есть сердце? – И снова зарыдала.

– Все сначала, – тяжело вздохнул Антон, доставая записную книжку. – Итак, медвежонок плюшевый?

– Да! – возликовала покойница. – Это наш талисман... интимный, но, если вы хотите, я объясню.

– Не хочу! Размеры, цвет игрушки?

– Лучше маленький, – и, точно заправский рыбак, широко развела руки в стороны. – Цвет любой, но мне бы хотелось голубого.

– Текст записки? Так. «Милый Саша! – повторял за ней Антон. – Я всегда буду рядом с тобой. Я хочу насладиться твоими успехами. Милый! Проживи жизнь так, чтобы я могла радоваться за тебя. Надя». Все?

– Вам кажется, надо что-то добавить? – спросила она озабоченно. – Я долго обдумывала каждое слово. Волновалась. Дело в том, что Саша...

Антон не интересовал Саша, а вот выпытать у девушки какую-нибудь информацию он попробовал:

– Значит, на том свете эмоции: тревога, волнение, возбужденные планы – все остается?

Девушка на секунду задумалась, а потом ушла от ответа, задав, в свою очередь, вопрос:

– Разве мы не жили?

Антон пообещал выполнить просьбу, развернулся и пошел прочь. Сделал три шага и оглянулся. На скамейке было пусто.

– Эй! – позвал он. – Куда бандероль-то слать? – И вздрогнул, потому что девушка стояла под боком.

– Я всегда такой рассеянной была! – сообщила радостно. – Запишите, пожалуйста, адрес. Сначала индекс...

* * *

И происшествия противоположного свойства с Антоном теперь тоже случались. Как-то вечером его окружили ребятишки, человек пять:

– Дяденька, помогите нам...

– Нет! – закричал Антон в голос. – Только не дети! Если ко мне будут являться мертвые дети, я отказываюсь участвовать!

Ему захотелось, как паникующему страусу, зарыться головой в песок, но кругом был асфальт. И Антон потребовал:

– Сгиньте!

– Чокнутый? – высказался один из малышей.

– Крыша поехала, – согласился другой.

– Пошли отсюда, – позвал третий.

Антон ухватил ближайшего ребенка за плечо. Под курткой прощупывалось нормальное костлявое тельце.

– Дети? – спросил Антон. – Вы настоящие? Какого рожна вам надо?

– Мы заблудились. На день рождения идем. Дом семнадцать, корпус шесть по Третьей Пролетарской – где?

– По этой дорожке идете прямо, – перевел дух Антон, – за третьим домом поворачиваете налево, проходите еще два дома и поворачиваете направо у телефонной будки. Будка – ориентир, запомнили? Далее следуете прямым курсом, пока не упретесь в нужный вам дом.

То, что дети оказались вполне живыми и бодрыми, настолько обрадовало Антона, что он заставил их повторять лощманский курс, пока не стали произносить правильно.

* * *

Покойники-челобитчики никогда не заявлялись, не имея заготовленной просьбы, которая большого труда для Антона не составляла и инкогнито его не нарушала. Точно существовало какое-то сито для умерших. У всех остались незавершенные дела, несказанные слова, невыполненные обещания. Но приходили только те, кому Антон с гарантией мог помочь. Он быстро понял, кто сидит на диспетчерском пункте.

– Мама? – спросил он однажды вечером. – Ведь это ты направляешь ко мне ходяков из загробного мира?

По тому, как смущенно затеребила она край кухонного фартука, как затараторила о плохом качестве импортного картофеля, стало абсолютно ясно – она.

– Мама! Не отпирайся! – с притворной строгостью насутился Антон. – Ты устраиваешь мне аудиенции с покойниками! По твоей милости я стал их поверенным. Хорошенькое дело!

Она присела на краешек стула и начала оправдываться:

– Ведь тебе не в тягость, а многим людям помог. Конечно, всех не облагодетельствуешь. Теория малых дел – ее только ленивый не обругал. А я не согласна! Вон и тираны у нас ногти грызут, а... Не о том. Конечно, если ты скажешь, что устал или противно, никто досаждать не будет. Но с другой стороны! Со стороны твоей пользы! Столько хорошего сделал, сколько за всю жизнь не совершить.

– Мне зачтется?

– Обязательно! – заверила мама.

– В какой форме?

Мама растерянно хлопнула глазами.

– Скажем, я попаду в рай, а не в ад, – подсказал Антон, – по совокупности добрых дел?

– Ты попадешь куда хочешь.

– На том свете есть свобода выбора? И кто-то добровольно жарится в котле со смолой? Вместо того чтобы нежиться в райских кущах?

– Смола, кущи, – скривилась мама. – Какие глупости лезут тебе в голову!

– Их авторство мне не принадлежит.

– Сыночек! – напомнила мама. – Ведь мы тебя просили! Ведь договорились!

Родители вырвали у Антона обещание не расспрашивать про жизнь после смерти. Но разве удержишься? Крупницы информации, которые он добыл, в стройную картину не укладывались. Не получалось сконструировать мир, в котором пребывают души умерших, понять его логику и реалии. Но Антон подозревал, что тот мир здорово смахивает на этот, как хорошо выполненный муляж яблока походит на настоящий фрукт, – внешне одинаковые, а по сути различные. Антон пробовал торговаться с родителями: только один вопрос, только один ответ – и я буду нем как рыба. Вопрос был такой: есть ли Бог? Родители переглянулись и ответили: для кого-то есть, для кого-то нет. Все как на земле.

– Пусть просители как-то обозначаются, – сдался Антон. – Например, говорят: «Мы от Светланы Владимировны».

– Договорились, – быстро согласилась мама и тут же развила успех: – Завтра мы с отцом вечером задержимся, а ты... ну, да сам поймешь.

Назавтра Антона ждало нашествие покойниц. Вошел в квартиру и увидел, как в гостиную промчались несколько женщин. Точно бродили по его апартаментам, с любопытством заглядывали во все уголки, а с его появлением юркнули в большую комнату.

Сколько их? Человек тридцать! Антон стоял в проеме гостиной. Девушки, женщины – разного возраста, внешности, социальных пластов, если судить по нарядам, – сидели, стояли, забралась на спинки дивана, оккупировали всю комнату! А мама обещала не перетруждать его! Если у каждой проблема, ему на полгода внештатная деятельность обеспечена. Тут о его маме и вспомнили.

– Мы от Светланы Владимировны! – пропел женский хор.

Оказалось, не множественность проблем, а одна на всех.

Выродок, сексуальный маньяк, работавший проводником поезда, всех их убил. Следователи не могли связать дела в одну линию, потому что происходили преступления в разных городах, а мразь поганая – проводник – не повторялся в методах. Эта сволочь развивалась в своих злодеяниях.

Антон записывал часа два. Хотя пострадавшие женщины подготовились (наставления мамы Антона отчетливо просматривались), они, как и всякий женский коллектив, которому дали право голоса, перебивали друг друга и засыпали несущественными подробностями.

Из детективной литературы Антон знал, что подробности могут иметь решающее значение. Но ни покойницы, ни Антон не ведали, какие детали пригодятся. Разброд прекратили, когда решили взять за основу временной принцип: говорят по очереди каждая изнасилованная и убитая.

Закончив «сбор показаний», Антон почувствовал, что готов лично найти проводника, кастрировать зверским способом и оставить истекать кровью где-нибудь под насыпью железнодорожного перегона Москва – Тверь. Подобным выродкам не место на земле! Они не должны дышать с ним одним воздухом и смотреть те же передачи по ящику! Но эта падаль продолжает свое черное дело! В данный момент, как сказали потерпевшие, в районе Курска он душил несмышленную девчонку...

Мама с отцом, как бы все время сидевшие на кухне, хотя там света не было, когда он пришел, его пыл остудили.

– Ты только письмо в прокуратуру напиши, – посоветовала мама.

– Море! – твердил отец. – Море горя и несчастья! Всем спасательный круг не бросишь! Море, омывающее побережья нескольких стран? – уткнулся в кроссворд. – Одиннадцать букв, третья «е»? Средиземное!

На следующий день, улучив свободную минуту на работе, Антон запустил редакторскую программу и печатал: «В Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Считаю необходимым сообщить вам, что преступления, совершенные...»

Текст занял пять страниц.

Часть вторая БОРИС ГОРЛОХВАТОВ

ПРЕДЫСТОРИЯ

Воспитательница группы продленного дня отчитывалась на педагогическом совете:

– Борю Горлохватава из первого «Д» класса считаю необходимым перевести в спецшколу для умственно отсталых. У мальчика абсолютно отсутствует воображение. Это верный признак психического отклонения, которое уже сейчас проявляется в неадекватном, социально неприемлемом поведении.

Она привела примеры. Играет с детьми в автобус. Выстраиваются в два ряда стулья, рассаживаются «пассажиры».

– А ты, Боря, – говорит воспитательница, – представь, что будешь водителем.

– Как это «представь»? – спрашивает мальчик.

– Разве ты никогда не мечтал быть шофером?

– Как это «мечтал»?

– Дети! – обращается воспитатель к первоклашкам. – Поднимите руки те, кто мечтает водить машину.

Все «пассажиры» взметнули руки вверх. Потом наперебой стали выкрикивать: «Я еще космонавтом хочу быть, стюардессой, клоуном, начальником, врачом, актрисой...»

Боря смотрит на мечтателей исподлобья, мрачнеет с каждой секундой и на вопрос воспитательницы: «А ты, Боря, кем мечтаешь быть?» – выпаливает:

– Пошли вы на...

Заклеймив всех нецензурным словом, забивается в угол, и его клещами оттуда не вытащишь даже для того, чтобы поставить в соседний угол для наказания.

Случай не единственный, воспитатель привела еще несколько примеров, характеризующих Борю как психического уродца.

В защиту мальчика выступила учительница первого «Д»:

– Да, ребенок сложный! Семья неблагополучная, хотя и полная. Мать и отец есть, но эти люди грубые, неразвитые и сильно пьющие. Трудно ожидать, чтобы в подобной обстановке вырос ангел. Боря плохо читает, не умеет пересказывать текст. Пишет с чудовищными ошибками. Но у него прекрасные математические способности! Он единственный, кто пришел в школу с навыками устного счета, а сейчас легко оперирует трехзначными числами. Разве это не свидетельство одаренного ума?

И вспомнила свой разговор с Борей, состоявшийся еще в первой четверти.

– Тебя родители учили арифметике? – Боря неуверенно кивнул.

– Как же они тебя учили?

– Ну, – тянет Боря, глядя в сторону. – Ругались. Соседка пятерку заняла, а отдала трешку, два рубля замылила. Или вот еще: если на десятку купить две бутылки водки по три шестьдесят две и две бутылки красного крепкого по рубль двадцать две, то останется тридцать две копейки. Буханка хлеба – восемнадцать копеек, а четырнадцать копеек – это два фруктовых мороженых по семь копеек.

– Вы можете себе представить? – обвела учительница взглядом педагогический совет. – Я чуть не заплакала тогда! И этому несчастному мальчику... – Она остановила взгляд на воспитательнице, на секунду замешкалась, понимая, что приобретает злейшего врага, и все-таки продолжила: – Этому ребенку вы хотите навсегда исковеркать судьбу? Возможно, у него талант

математический, а мы его к дебилам? Перед ним великое будущее может открыться, а мы сейчас все двери захлопнем? Педагогическая беспомощность – не основание для того, чтобы калечить человеку жизнь!

Борю в нормальной школе оставили, во второй класс перевели. Но директор вызвал родителей и провел с ними беседу. Говорил про математические способности сына, про трудный характер и необходимость пробудить образное воображение. Борины родители, в чьих неразвитых душах навсегда остался детский страх перед директором школы, очень нервничали. Про воображение ничего не поняли, но запомнили, что сын матерится и считает по арифметике на бутылки водки.

В итоге Борю хорошенько выпороли. По-другому и быть не могло: раз вызывали, значит, надо наказать.

– Ах ты, бля, сучий потрох! – стегал ремнем отец. – Ты... матюкаться... вздумал! – И сам после каждого слова вставлял непечатные выражения. – Я тебе... мозги через задницу вправлю!

– Про бутылки не забудь! – подсказывала мама.

– Тебе водку кто давал? – Отец удвоил силу удара. – Тебе вина кто предлагал? Позоришь нас, недоносок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.